

В Москве 4 августа 1881 года в семье врача Лебедева родился сын. Михаил Дмитриевич и его жена Глафира Платоновна называли сына Платоном, в честь деда. С ранних лет он увлекался собиранием почтовых марок и открыток с видами городов России. Озорник с карими глазами вечно пропадал на улице, играл в прятки, взбирался на телеграфные столбы и запускал оттуда «змея». Никогда не плакал и не жаловался.

В гимназии Платон больше всего любил уроки по всеобщей истории, литературе, географии. Знал много стихов Пушкина, Байрона, Плещеева и часто читал их на гимназических вечерах.

В 1899 году Платон окончил гимназию. Мечтая посвятить себя научной деятельности, он подал прошение на историко-филологический факультет Московского университета. Готовясь к экзаменам, он ходил на лекции профессора Ключевского. Еще не став студентом, Платон начал посещать студенческие кружки, где узнал о волнениях в Петербурге.

Однажды за обедом Платон попросил у отца денег.

— Зачем? — удивился Михаил Дмитриевич.

— Надо, папа. Завтра мы будем провожать в солдаты одиннадцать студентов, исключенных из университета. Решили собрать им на дорогу. Когда-нибудь я отдам тебе.

Михаил Дмитриевич, бросив строгий взгляд на сына, ничего не ответил. Но после обеда велел жене выдать деньги и записать в книгу семейных расходов.

Поступив в университет в 1899 году, Платон хорошо учился, часто и подолгу засиживался в библиотеке: читал Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Тургенева, Гончарова, Писарева, Герцена. В университете он впервые познакомился с трудами Маркса, Энгельса, Плеханова. Большое влияние оказывал на Платона его старший товарищ, бакалавр Владимир Петрович Потемкин, уже успевший отсидеть в Бутырской тюрьме за участие в студенческих «беспорядках».

Получая от него листовки и запрещенные книги, Платон постепенно втягивался в революционную работу. Еще студентом шестого семестра он принимал участие в составлении статистических отчетов о крестьянских хозяйствах Тульской губернии. «Это непосредственное изучение деревни,— писал он в своей биографии,— дало первый толчок к марксизму».

На четвертом году учебы Платон, распространявший листовки среди студентов, был арестован и посажен в Таганскую тюрьму. Допросы, угрозы и лишение свиданий не сломили его воли. В тюрьме он много читал, даже нелегальную литературу, попадавшую в камеры заключенных неведомыми путями, изучал различные проблемы политической экономии. За шесть месяцев заключения он, можно сказать, завершил свое университетское образование. «Вышел из тюрьмы — лучшего университета в моей жизни — большевиком», — писал позже Керженцев.

Без суда и следствия студент Лебедев был сослан в Нижний Новгород под строгий полицейский надзор.

Древний город, раскинувшийся на живописных холмах вдоль берегов Волги и Оки, часто упоминается в русских летописях XIII и XIV веков. Когда-то обнесенный дубовой стеной, он вместе с Москвой отражал нашествие полчищ Казанского ханства. На его землях сохранились исторические памятники: древний кремль, крепость, церкви и соборы.

Начиная с XIX века Нижний Новгород бурно развивается и становится крупным торговым, промышленным и культурным центром России. Строятся заводы, фабрики, верфи, мельницы, школы, больницы, учебные заведения, банки. На правом берегу Волги, в Сормово, был построен гигант — судостроительный завод. Вместе с предприятиями рос и пролетариат. Постепенно Нижний Новгород становится крупным пролетарским центром. В 1891 году был создан первый марксистский кружок на Курбатовском заводе, а в 1894 году Ленин читал его членам свой реферат.

Молодой революционер сразу сблизился с местными марксистами и активно включился в работу. Налаживал связи с рабочими, организовывал кружки на предприятиях города, выступал в местной газете «Нижегородский листок» с заметками и статьями. В августе 1904 года Платон вступил в РСДРП.

Деятельность Лебедева, несмотря на строжайшую конспирацию, не укрылась от недреманного полицейского ока. Однажды, уходя с Сормовского завода после беседы с рабочими литейного цеха, он заметил за собой хвост. Быстро перешел улицу, нырнул во двор старого дома, стараясь оторваться от шпика. Проплутав до вечера, решил покинуть го-

род на несколько дней. На рассвете он был уже на берегу реки Керженец. Протекая по широкой долине, в устье река разбегается на множество рукавов и так несет свои воды в Волгу. По берегам реки раскинулись густые леса, в которых когда-то находили убежище и приют раскольники. Спасаясь от преследования царских властей, они строили там поселения — Керженские скиты.

Платон сразу же занялся на сплаве леса и работал до тех пор, пока не получил весточку от друзей о том, что можно вернуться в город.

Река подарила Платону Лебедеву новое имя, свои статьи в «Нижегородском листке» он уже подписывал псевдонимом Керженцев¹.

Полиция, ведя негласное наблюдение за революционерами, продолжала разыскивать Платона Лебедева. Начальник Нижегородского охранного отделения в своем письме департаменту полиции от 22 ноября 1905 года сообщал, что 17 ноября на квартире жены прапорщика Бирюкова состоялась сходка большевиков, на которой присутствовал и сотрудник «Нижегородского листка» Платон Лебедев. В заключение письма сообщалось, что сормовские рабочие избрали Лебедева делегатом на IV партийный съезд.

В январе 1906 года Платон Михайлович женился на Марии Александровне Олигер — дочери известного нижегородского нотариуса. Дворянин, либерал, отец большого семейства, он не жалел сил и средств на воспитание и образование своих детей. Два сына и три дочери учились в гимназиях. Первой покинула отцовский дом Мария. Поступив на Высшие женские курсы Герье в Москве, она сначала принимала участие в деятельности землячества Московской губернии, потом включилась в активную революционную работу. Не имея достаточного опыта конспирации, Мария попала под надзор полиции и вскоре была арестована. Началось следствие. Жандармы держали Олигер в тюрьме 404 дня без суда и права на свидания.хлопоты отца, имевшего связи и в Петербурге, не были оставлены без внимания. 5 января 1904 года его любимая дочь возвратилась домой.

¹ О тех далеких годах Мария Михайловна Керженцева писала в своем письме от 13 июня 1979 года на имя автора: «А теперь попробую ответить на Ваш вопрос: где и при каких обстоятельствах Платон Михайлович Лебедев припаял фамилию Керженцев. Насколько я помню из рассказов мужа, он начал использовать псевдоним Керженцев (наряду с другими псевдонимами) с 1904 года, когда проживал в Нижнем Новгороде. Наверяно это было впечатлениями от поездок по реке Керженец и окружающим ее густым лесам, связанными с ней легендами, общением с бунтарским населением ее берегов». — *Прим. авт.*

Отец и мать были рады, что дочь наконец остепенилась: сидит дома за книгой или рукоделием, даже в церковь стала ходить. На самом же деле Мария и ее младшая сестра Надежда продолжали работать в подполье. Встреча с Керженцевым на музыкальном вечере определила ее дальнейшую судьбу.

Когда поиски Лебедева оказались безуспешными, начальник губернского охранного отделения 9 января 1906 года направил Московскому охранному отделению письмо:

«Активный деятель социал-демократической партии, сын статского советника Платон Михайлов Лебедев скрылся из Н. Новгорода и, по полученным мною сведениям, находится в настоящее время в Москве.

Сообщая о вышеизложенном, имею честь просить распоряжения Вашего высокоблагородия о розыске названного Лебедева и о производстве у него обыска в порядке Положения о государственной охране. Меры пресечения благоволите принять по результатам такового. Протокол со всем отобранным прошу препроводить в мое распоряжение».

В ночь на 22 января на квартире Керженцева появились два жандарма. Обыск продолжался до утра. Изъяв все нелегальные издания, личную переписку, семейные фотографии, газеты «Новая жизнь», «Пролетарий» и «Луч», они предъявили ордер на арест.

Следствие вел штабс-ротмистр охранного отделения Трещенков.

— Не буду мучить вас излишними вопросами,— сказал он, начиная допрос,— остановлюсь лишь на главном. Итак, вы — Платон Михайлов Лебедев, сын статского советника. Не отрицаете этого?

— Нет, не отрицаю.

— Отлично. Из протокола обыска видно, что у вас были изъяты запрещенные издания. С какой же целью вы собирали и хранили их у себя?

— Господин штабс-ротмистр, изъятые у меня книги не были запрещены, когда я покупал их. Хранил я их для работы. Я интересуюсь различными проблемами международных отношений.

— Господин Лебедев, вы уже привлекались к дознанию за участие в тайном совещании русских социал-демократов. Мне известно, что на этом совещании обсуждался вопрос о вооруженном восстании против существующего строя.

— Я был не на тайном совещании, а на семейном вечере в доме семьи прапорщика. В этой семье бывали и директор гимназии, и отец Серафим, и сам господин полицмейстер. Насколько я помню, тогда гости вели себя мирно, поздравляли

супругов с серебряной свадьбой, пили чай с малиновым вареньем, вспоминали годы молодости. Ничего противозаконного не говорилось.

— Может быть, это и так, но на этой сходке распространялись воззвания преступного характера.

— Этого не было. В моих материалах, изъятых при обыске, нет таких воззваний.

Подумав немного, штабс-ротмистр перелистал три листа «дела».

— Известно ли вам, господин Лебедев, что-либо о деятельности Нижегородского комитета социал-демократии? Меня интересуют сведения о Свердлове, Мицкевиче, Семашко. Вы можете быть спокойны за их судьбу. Речь идет лишь об уточнении кое-каких донесений.

— Помню, мой отец отзывался о Мицкевиче и Семашко, своих коллегам, весьма похвально. Как врачи они пользовались известностью.

— А о Свердлове?

— Это имя мне не известно.

— Сотрудничая в «Нижегородском листке», вы издали указатель социал-демократической литературы. Значит, вы были тесно связаны с анархистами и социал-демократами.

— О нет, господин штабс-ротмистр. Исследуя социал-демократическую литературу, я не нашел в ней каких-либо данных, которые указывали бы на связь социал-демократии с анархистами. Сочувствуя деятельности Российской социал-демократической рабочей партии, я не интересуюсь отдельными личностями и не знаю поэтому, кто и чем занимается.

— Говорите сочувствуете. Интересно. Это признание поможет следствию лучше разобраться в вашем деле. Но должен предупредить, что оно не произвело на меня благоприятного впечатления.

— Господин штабс-ротмистр, я дал показания, продиктованные моей совестью.

На следующий день охранное отделение издало постановление, в котором говорилось:

«1906 года января 23 дня в г. Нижнем Новгороде я, начальник Нижегородского губернского жандармского управления полковник Левицкий, принимая во внимание имеющиеся сведения о политической неблагонадежности сына статского советника Платона Михайлова Лебедева, на основании ст. 21 Положения о государственной охране, высочайше утвержденного 14 августа 1881 года, постановил: Платона Лебедева впредь до разъяснения обстоятельств настоящего дела содержать под стражей в 1-м корпусе Нижегородской тюрьмы, о чем ему объявить; копию сего постановления пре-

проводить в указанное место заключения и прокурору Нижегородского суда».

Рассмотрев все полицейские бумаги о «государственном преступнике» Платоне Лебедеве, судебный следователь не нашел в них оснований для привлечения его к суду по делу об участии в работе Нижегородского комитета РСДРП.

Начальник охранного отделения, не согласившись с заключением следователя, направил губернатору секретное письмо от 20 февраля, в котором содержалось требование о высылке Лебедева из пределов губернии. Губернатор поддерживал это требование.

Подобные бумаги обычно не задерживались в канцеляриях департамента полиции и министра внутренних дел. Не задержались и бумаги по делу Лебедева. В секретном письме департамента полиции от 23 марта на имя нижегородского губернатора сообщалось, что по рассмотрении в особом совещании «дела» Платона Лебедева, обвиняемого в политической неблагонадежности, господин министр внутренних дел постановил: «Выслать Лебедева на жительство под гласный надзор полиции в один из отдаленных уездов Вологодской губернии на три года...»

Исполнив постановление министра, полицмейстер в секретном рапорте № 229 доносил губернатору, что он отправил Платона Лебедева в Вологду в сопровождении старшего городского Рождественской части.

Мария Александровна, не желая расставаться с мужем, выехала вслед за ним в добровольную ссылку.

Сняв комнату на окраине города, Платон Михайлович нашел себе место рабочего на паровой мельнице. Не обращая внимания на полицейских агентов, следивших за каждым его шагом, он вечерами посещал губернскую библиотеку.

Тогда в Вологодской губернии еще не была создана организация Российской социал-демократической рабочей партии. Существовали лишь отдельные группы социал-демократов. Соблюдая осторожность, Керженцев постепенно устанавливал с ними связь.

Время шло. Губернатор, видимо, еще раздумывал, в какой уезд направить Лебедева. Но полиция не дремала и присматривалась к нему, чтобы лучше изучить его поведение, характер, вкусы. Агенты доносили начальству, что Лебедев всегда учтив, сдержан, не выпивает, не хулит власти, по встречается с политическими ссыльными, днем работает на мельнице, а вечером ходит в библиотеку с толстой папкой под мышкой.

Когда план побега из ссылки созрел, Платон Михайлович посоветовал жене выехать в Москву. Воспользовавшись су-

матой, вызванной концом субботнего рабочего дня, когда все торопились в баню, он, захватив свой узелок, пошел по знакомой дороге, но у самой бани повернул в сторону реки и прибавил шагу.

Тревога началась ночью. Перекрыли дороги, но уже было поздно. Побег удался. Начались розыски.

В Вологде, писал Керженцев, «вместо трех лет пробы ровно три недели, бежал и перешел на нелегальное положение. Так прожил шесть лет...»

Помогли товарищи. Керженцев жил в Петербурге, Киеве, сотрудничал в демократических газетах «Волна», «Киевские вести», «Киевская мысль», продолжая борьбу с самодержавием пером журналиста.

Обладея тонким литературным вкусом и большой наблюдательностью, Керженцев в своих статьях, очерках и фельетонах клеймил такие пороки старого режима, как казнокрадство, доносы, бюрократизм в государственном аппарате, нещадил и губернаторов, градоначальников, полицмейстеров, попечителей учебных заведений.

Появление в «Нижегородском листке» фельетона Керженцева, раскрывающего причастность чиновников, близких к царскому двору, к финансовым махинациям на Дальнем Востоке, вызвало настоящий переполох. Они грабили казну, спекулировали акциями на разработку угольных копей, лесных концессий и нередко добивались согласия царя на устранение тех должностных лиц, которые предупреждали правительство об опасности политики авантюры. Ярко, без прикрас были нарисованы в этом фельетоне портреты чиновников, среди которых оказались адмирал Алексеев, наместник его величества, и контрадмирал Абаз, член Особого комитета Дальнего Востока.

Керженцев писал: «Только слабое пламя освещает эти несколько фигур — хищников, грабителей, авантюристов. Когда пламя разгорится ярко, вы удивитесь, ужаснетесь. Скоро занавес поднимут, раздернут, и старый порядок предстанет во всей своей наготе, со всеми своими декорациями, машинами, со всеми артистами и режиссерами. И тогда умрет старый режим и отойдут прочь его дельцы...»

Вслед за конфискацией 151-го номера «Нижегородского листка», опубликовавшего этот фельетон, начались и розыски автора.

В фельетоне «Стихийное бедствие», опубликованном 13 октября 1910 года в газете «Киевская мысль», Керженцев разоблачал преступную деятельность московского градоначальника генерал-майора Рейпбота. Царский сатрап, в ведении которого находились чиновники особых поручений, по-

лиция, жандармерия и арестантский дом, проводил политику насилия и преследования революционеров, издевался над студентами, устраивал попойки, брал деньги из казны на личные нужды. Уличенный в казнокрадстве и взяточничестве, он был уволен, разжалован и предан суду.

Производя ревизию дел градоначальника, сенатор Гарин нашел в них много фальшивых документов о расходовании крупных сумм из государственной казны. Ознакомившись со всеми документами, он схватился за голову: судя по шифрованным приказам генерала Рейнбота, в день встречи Нового, 1907 года «Москву одновременно поразили: жара и мороз, снег и ливень, извержение Воробьевых гор и солнечные удары, землетрясение и град»¹.

В фельетоне «Наброски», опубликованном в «Нижегородском листке», героем выступила маленькая буква «к». Кажалось, никто до сих пор не замечал ее, одиннадцатую в алфавите, но теперь все ею восторгаются. Так что же она сотворила?

По требованию царской цензуры из библиотек империи изымались произведения Чернышевского, Добролюбова, Плеханова. Не миновала эта участь и сочинения Писарева. На помощь пришла маленькая буква «к». Библиотекарь, поклонник знаменитого критика, вырвал титульные листы в шести томах Собрания сочинений Писарева и вставил в это славное имя всего лишь маленькую букву «к» между «с» и «а» на всех корешках переплета. Отныне вместо Писарева, когда-то осужденного за призыв к ликвидации царствующего дома, появился Пискарев. И шесть томов сочинений, вырвавшись на свободу, снова заняли почетное место на полках библиотеки.

Не ушли от острого пера Керженцева и служители божьи. В фельетоне о протоиерее Иоанне Кронштадском он раскрыл стяжательскую сущность и махровое невежество «иоанистов», наживающихся на торговле «священными реликвиями». Даже арест «иоанистов» не дает автору надежды на правосудие: «Суд не может испугать их. Но их должен страшить новый строй. Они должны боязливо смотреть на подымающуюся грозу. Они должны помнить, что эта гроза вместе с умирающим порядком сметет и их».

В статьях и фельетонах Керженцев нарисовал и портреты верных слуг царского режима. Попал на страницы газеты

¹ 11 мая 1911 года А. А. Рейнбот был приговорен особым присутствием сената к лишению всех прав и заключению в исправительном отделении. 22 июня того же года он был помилован царем, а в 1914 году вновь принят на военную службу в чине генерал-майора, но уже под фамилией Резвой.— *Прим. авт.*

томский губернатор Азапчевский, охотничьи забавы которого оплачивались из царской казны.

В секретных бумагах департамента полиции, летевших во все губернии, содержались строгие предписания о розыске Лебедева, аресте и доставке его под конвоем в распоряжение вологодского губернатора.

Наступление реакции на демократические права усилилось после поражения первой русской революции. Снова начались массовые обыски и аресты. Многие революционеры, которым грозила тюрьма, вынуждены были уйти в подполье или искать убежище вдали от родины.

В январе 1912 года Платон Михайлович, получив от друзей заграничный паспорт, выехал в Англию. И за границей он не оставил своего любимого дела. Продолжал сотрудничать в русских легальных газетах и журналах «Правда», «День», «Час», «Летопись», «Просвещение», «Киевская мысль», работал над переводами с английского и французского языков, изучал историческую литературу об Англии, Ирландии. Его знания жизни России обогатились и опытом революционной борьбы. Знакомя русских читателей с важнейшими международными событиями, он в своих статьях, очерках, фельетонах освещал различные стороны жизни Британской империи, Франции, США.

Знакомство с Лондоном Керженцев начал с Сити, центра деловой жизни страны. Узкие улицы застроены невысокими, но массивными домами. В одном из них разместился Английский банк, хранящий капиталы богачей, королей, правительств различных стран, в другом — фондовая биржа. Это, можно сказать, два храма капитализма Британской империи. К западу от Сити располагались аристократические кварталы с роскошными зданиями парламента и министерств, частными особняками, ухоженными парками. Совсем иная жизнь — на востоке от Сити. Там кварталы домов, почерневших от дыма и копоти фабричных труб, заселенные рабочими, ремесленниками, клерками, мелкими торговцами.

Утром, когда на улицах еще не рассеялся туман, Керженцев был на левом берегу Темзы, у самого входа в Тауэр. Древний замок, служивший и резиденцией короля, и тюрьмой, и местом казней, открыл свои двери как музей оружия, королевских регалий и даже орудий пыток.

В Трафальгарском сквере Керженцев присел на скамью и вынул из кармана записную книжку. Сделав несколько записей, он поднялся и направился к зданию Вестминстерского аббатства, национальной усыпальнице. Под высокими сво-

дам церкви покоятся великие люди: Шекспир, Мильтон, Ньюто́н, Байрон, Теккерей, Диккенс, Дарвин, Уайт...

Я Грэй Рассел-стрит возвышается огромное темное здание, украшенное 44 античными колоннами. Это Британский музей, хранящий в своих стенах памятники первобытного, средневекового искусства, коллекции монет и медалей.

В круглом зале, напоминающем древний храм Артемиды в Эфесе, за длинными черными столами, разбегавшимися радиусами от центра, — места читателей. Склонившись над книгами, рукописями, они работают с утра до вечера. За этим столами, помеченными заглавными буквами латинского алфавита, усердно трудились Маркс, Энгельс, Ленин и светила английской литературы Вальтер Скотт, Диккенс, Теккерей, Гарди, Голсуорси.

Среди читателей были и русские политические эмигранты. Часто можно было видеть в этом зале князя Кропоткина, Степняка-Кравчинского, Чичерина, Коллонтай, Майского. Ленин начал работать в читальном зале в апреле 1902 года под именем доктора права Якоба Рихтера; за ним было закреплено место L 13, от входа налево четвертое во втором ряду. Потом Владимир Ильич посещал библиотеку каждый раз, как приезжал в Лондон.

В январе 1912 года появился здесь и Керженцев. Получив разрешение, он сел за стол, на котором стояла чернильница с черными и фиолетовыми чернилами, лежали красная ручка с серебряным пером, розовая промокательная бумага и гусиное перо. Да, гусиное. Это дань прошлым временам и напоминание о людях, создававших такими перьями великие творения. Заказав четыре книги по истории Ирландии, Платон Михайлович медленно пошел вдоль книжных полок. Там, словно на параде, стояли тесными рядами тома энциклопедий, словарей, справочников на многих языках мира. Узнав по золотистым корешкам «Толковый словарь живого великорусского языка» Даля, он невольно остановился и улыбнулся. Старый, добрый друг напомнил родные места. Чуть дальше снова знакомые корешки: «Энциклопедический словарь» в издании Брокгауза и Ефрона, «Энциклопедический словарь» в издании братьев Гранат. Возвращаясь на свое место, Платон Михайлович снова и снова бросал взгляды на имена.

В читальном зале Британского музея он прочел много книг, делал выписки, писал статьи и очерки, делал наброски глав своих книг об Ирландии и Англии, изучал различные проблемы международных отношений.

Война все переменяла. В Лондоне, окутанном траурными теньями, исчезли огни на улицах и мостах. Толпы народа заполняли улицы и встречали солдат, проходивших маршем, аплодисментами. На площадях и в парках проводилось обучение новобранцев, устраивались митинги, на которых ораторы призывали молодых людей записываться добровольцами в армию.

Прошел один месяц войны. В газетах публиковались списки убитых. Трагическое событие в Северном море — потопление германским миноносцем английских рыболовных судов, породило слухи о неудачах британского флота в боях с немцами. Тогда в печати начали появляться статьи, в которых высказывалось желание сближения Великобритании с Россией, пропагандировалось изучение русского языка и русской литературы. Не стоял в стороне и Керженцев. Откликаясь на возникающий интерес к своей стране, он опубликовал в 1915 году ряд интересных статей: «Учите русский язык», «Россия и Англия», «Мечты Уэллса».

В очерках и статьях, опубликованных в годы первой мировой войны, Керженцев рассказывал о повседневной жизни британской столицы, о положении в колониях, о чаяниях и думах англичан. Работая над монографией об истории Ирландии, он выступал на страницах русских газет и журналов со статьями и письмами о внешней политике британского правительства. В его «Письмах из Лондона» рассказывалось о суровых испытаниях народов европейских стран в годы войны.

Большой интерес вызвала у русских читателей серия статей Керженцева под общим заголовком «Трагедия Ирландии», опубликованная в 1916 году. В статьях, основанных на исторических материалах и документах, критиковалась и осуждалась внешняя политика Британской империи в XVII, XVIII, XIX веках, освещалась героическая борьба ирландцев за свою национальную независимость.

Небольшая площадь Ооклей-сквер в северной части столицы была окружена серыми, однообразными домами. В одном из таких домов, № 72, жил Платон Михайлович с женой. В его скромной квартире на втором этаже часто собирались друзья. У этого чуть ли не единственного русского семейного очага находили радушный прием Чичерин, Коллонтай, Майский, Литвинов. О чем же они говорили и мечтали?

«Больше всего, чаще всего и теплее всего о России...»

Керженцев наконец получил разрешение на въезд в Соединенные Штаты Америки в качестве корреспондента русской газеты «Южный край». Нью-Йорк поразил Платона Михайловича. Большой город в устье реки Гудзон сиял яркими огнями. Витрины богатых магазинов, рекламы театров, варьете, гостиниц излучали потоки красного, зеленого, синего, желтого света.

«Ярко, шумно, весело, безопасно. Здесь не знают войны, не видят раненых, не пробегают тревожно списки фамилий, печатающихся в газетах. Здесь не напрягают силы, чтобы победить. Тут не знают, что такое дороговизна, экономическое расстройство, рост государственного долга, чрезмерное осложнение внутренних проблем.

Для Америки мировая война — это прежде всего крупные заказы, увеличение вывоза, «бум» во всех производствах, — иначе, новые миллионы, новые прибыли и заработки, новые утехи и веселье» — так описал Платон Михайлович свои впечатления.

Да, мировая война для Америки была событием на другом, далеком полушарии. Войну американцы видели только на экранах кинематографа, который пугал грядущими катастрофами: американский флот разбит, дредноут в сорок тысяч тонн на дне Атлантического океана, вражеская армия высадилась невдалеке от Нью-Йорка; мирные граждане расстреливаются из пулеметов; горят доки, дома, и весь город окутан черными тучами дыма. На этом фоне появляется жестокий завоеватель в железной каске с усами «а ля Вильгельм».

Такие картины часто появлялись в период предвыборной президентской кампании, когда две политические партии, республиканская и демократическая, старались посадить в президентское кресло своего человека. В статье «Вильсон или Юз?» Керженцев предсказал победу Вильсона, представителя демократической партии.

Вильсон избран президентом на второй срок. Толпы народа приветствовали его на площади у Белого дома овацией, шумом трещоток, звоном колокольчиков, возгласами «ура!».

Керженцев хорошо понимал политику Соединенных Штатов в этой войне и разъяснял ее своим читателям. Основные причины, побудившие США заявить 4 августа 1914 года о своем нейтралитете в первой мировой войне, указаны в статье «Благодеяние». Американские монополии, поставляя воюющим сторонам вооружение, боеприпасы, амуницию, продовольствие, наживали огромные капиталы. «Никогда золото не прилиvalo так щедро в руки американцев и ни

разу не тратилось так широко и разгульно. Редко когда американцы так бурно веселились и так много паживались. Никогда еще число миллионеров и богатых людей не увеличилось с такой быстротой...»

В статье «Америка в мировой войне», опубликованной в газете «Новая жизнь», органе группы социал-демократов меньшевистского направления, Керженцев изложил основные причины перехода США от политики нейтралитета к политике участия в войне. Объявив 6 апреля 1917 года войну Германии, они надеялись принять активное участие в мирной конференции и предоставить американским монополиям возможность получить максимальные прибыли от сделок по военным заказам.

«Если даже Американская республика и не окажет особенно большой военной помощи союзникам, то она все-таки предстанет на мирной конференции равноправным участником, богатым, сильным и неистощенным участником, с которым придется считаться и друзьям, и врагам».

Мечта русских революционеров, находившихся в эмиграции, о возвращении на родину стала реальной лишь после Февральской революции. Эта мечта не давала покоя и Керженцеву. В своих статьях «Происки буржуазии», «Возможно ли единение?», «Борьба за мир», «Опять Алексинский», «Учредительное собрание», «Последние часы совещания» он снова и снова обращается к событиям политической жизни России.

Керженцев резко критиковал кадетов, эсеров, меньшевиков, выдвигавших идею создания «правительства национального спасения» при активном участии буржуазии. В статье «Полицейские архивы» он поднял вопрос о незаконности передачи материалов следствия по «делам» революционеров, находившихся в подполье, частным лицам, среди которых могли оказаться провокаторы и клеветники. Эта статья вынудила Временное правительство опубликовать сообщение, в котором, в частности, говорилось, что «никакие частные лица к занятиям в архиве не допускаются».

Не удовлетворившись этим сообщением, Керженцев выступил со второй статьей «Полицейские архивы». Приводя в ней факты расхищения архивов департамента полиции, он требовал принятия мер пресечения.

Керженцев прекрасно понимал, в каком трудном положении находится Россия, видел неспособность Временного правительства управлять государством. В статье «Анархия», опубликованной 3 октября, он писал о погромах, расхище-

нии государственных продовольственных складов, грабежах мирного населения.

«Темные силы находят сейчас благодатную почву для своей погромной и контрреволюционной агитации, потому что в массах глубоко недовольство, может быть бессознательное, общей бездеятельной политикой центральной власти.

Нерешительная, половинчатая внутренняя политика, естественно, не могла создать сильной и авторитетной власти и укрепить престиж Временного правительства на местах...

Анархия — грозное предзнаменование, но бороться с ней может лишь демократическая власть с ясной и последовательной революционной программой в области внешней и внутренней политики».

В статьях «Из тайников министерства иностранных дел», «Маклаков на Парижской конференции», «В министерстве иностранных дел» Керженцев обвинял Временное правительство в продолжении войны и назначении на высокие государственные посты бывших царских дипломатов и сановников. Так, бывший министр Маклаков был назначен послом во Францию, князь Трубецкой — послом в Англию, а граф Шувалов ожидает назначения в Стокгольм.

«Позорно, что революционная Россия представлена за границей ставленниками царизма.

Этот затхлый дипломатический аппарат извращает волю страны, неверно и неумело освещает ее желания и настроения и вкупе с новой роялистской эмиграцией создает за границей очаги, откуда грозит опасность всем завоеваниям революции.

Такому положению пора положить конец. Здесь мало коренной чистки ведомства. Необходима смена руководителей министерства и полная реорганизация его на новых началах».

Эти статьи, написанные ясно и образно, со ссылками на документы, пользовались большим успехом у читателей. Пробив себе дорогу через преграды цензуры, они наносили серьезный удар по всей политике Временного правительства.

Платон Михайлович Керженцев, простившись с друзьями, покинул Нью-Йорк и выехал в Токио. В октябре 1917 года он возвратился на родину.

18 января 1918 года Керженцев направил редактору газеты «Новая жизнь», ставшей на позиции соглашательства с буржуазией, следующее письмо:

«Т. редактор!

Будьте добры напечатать следующее:

Вследствие несогласия с отрицательной позицией редакции «Новой жизни» по отношению к Советской власти и к «большевизму», я вышел из редакции газеты».

В конце января этого года Керженцев был назначен заместителем редактора газеты «Известия», центрального органа ВЦИК, а в марте 1919 года — руководителем и главным редактором РОСТА, Российского телеграфного агентства, бывшего в то время основным источником информации о политической, экономической и культурной жизни в Стране Советов и за границей. При активном участии Керженцева было создано около ста отделений РОСТА в столицах республик и больших городах страны. Познакомившись с Владимиром Маяковским, работавшим над политическими плакатами «Окна РОСТА», он оказывал ему помощь и поддерживал с ним дружеские отношения в течение многих лет.

В апреле 1920 года Керженцев был назначен членом делегации по переговорам о заключении перемирия и мира с Финляндией. С этого времени и началась его дипломатическая деятельность.

Готовясь к переговорам, Керженцев изучал архивные документы о русско-финляндских отношениях.

Переговоры проходили в Юрьеве в трудных условиях.

«Наиболее трудным вопросом мирной конференции,— писал Керженцев,— был вопрос о границах... Финляндская делегация... хотела значительных приобретений за счет России. В общей сложности Финляндия мечтала присоединить к себе до 70 000 квадратных верст».

Переговоры закончились подписанием двух договоров между РСФСР и Финляндской республикой: договора о перемирии от 13 августа 1920 года и мирного договора от 14 октября 1920 года.

В истории отношений новой России со своими северными соседями особое значение имел 1920 год. Проводя политику мира, правительство РСФСР подписало мирные договоры с Эстонией, Литвой, Латвией, Финляндией. Этим молодая социалистическая республика укрепила свои позиции на международной арене. Многие капиталистические страны, хотя и не признавали Страну Советов, были вынуждены под давлением экономического кризиса стать на путь переговоров о возможности заключения с ней торговых соглашений и договоров.

В 1921 году правительство РСФСР заключило ряд политических и торговых договоров и соглашений со странами Востока и Запада, в том числе с Персией, Афганистаном, Турцией, Великобританией, Германией, Норвегией, Итали-

ей. Эти договоры и соглашения открывали молодой республике путь к европейским рынкам и обеспечивали признание за ней правовых основ международной торговли.

Ленин, рассмотрев предложение Наркоминдела о назначении полпреда в Швецию, писал: «т. Чичерин!.. в Стокгольм Керженцева (постаравшись больную жену его отправить туда же: там ведь лучше лечить будут). Постараться взять Керженцева в Стокгольм.

Если уже *никак* нельзя его, тогда поискать другого.

19/X [1920] Ленин» ¹.

Стремясь к более активному развитию отношений со своими северными соседями, правительство РСФСР назначило Керженцева полномочным представителем в Швеции и председателем делегации по переговорам с правительствами Дании, Норвегии, Швеции о заключении с ними торговых договоров.

Знакомясь с докладами, нотами, телеграммами, характеризующими русско-шведские отношения, Керженцев часто обращался к дипломатической переписке Воровского. Перечитывая беседу Ленина с корреспондентом американской газеты «Уорлд» Линкольном Эйром, опубликованную 21 февраля 1920 года, он остановился на словах:

«Я не вижу никаких причин, почему такое социалистическое государство, как наше, не может иметь неограниченные деловые отношения с капиталистическими странами. Мы не против того, чтобы пользоваться капиталистическими локомотивами и сельскохозяйственными машинами, так почему же они должны возражать против того, чтобы пользоваться нашей социалистической пшеницей, льном и платиной? Ведь социалистическое зерно имеет такой же вкус, как и любое другое зерно, не так ли?» ²

13 февраля 1921 года Керженцев прибыл в Стокгольм вместе с женой. Было по-весеннему тепло. В окрестностях столицы на солнечных полянах и склонах холмов снег уже был рыхлым и кое-где начал таять. Красивый город поражал добротными высокими массивными зданиями банков, страховых компаний в сочетании со старинными дворцами, церквями, памятниками ученым, писателям, композиторам, художникам, королям.

В ожидании первого свидания с министром иностранных

¹ Ленинский сборник XXXVII. М., 1970, с. 259.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 152.

дел Керженцев вместе с женой совершал прогулки, знакомился с городом.

Тогда правительство Швеции, испытывая влияние стран Антанты на свою внешнюю политику, занимало недружественную позицию по отношению к новой России. В прессе еще повторялись лживые сообщения о восстаниях и мятежах в Москве, Киеве, Пскове и на кораблях, стоящих в Белом море. Эти небывлицы иногда сопровождались ссылками на английские источники.

Министр иностранных дел фон Врангель, бывший посланник в Брюсселе, Гааге и Петербурге, принял Керженцева весьма любезно.

— Королевское правительство с интересом следит за развитием политических событий в России и было бы готово следовать старым и добрым традициям,— сказал он, ознакомившись с бумагами о полномочиях Керженцева.— Если у вас имеются какие-нибудь предложения, я буду рад обсудить их с вами.

— Благодарю. Я хотел бы внести на ваше рассмотрение одно предложение. Вам известно, что 15 мая прошедшего года в Копенгагене господин Красин и представители шведского концерна подписали торговый договор, сыгравший большую роль в развитии торговых отношений между нашими странами. Приближается годовщина подписания этого договора. По этому случаю я мог бы устроить прием для представителей ваших деловых кругов.

— Это было бы хорошим началом,— ответил министр.

— В первые дни своей деятельности я должен выполнить одно поручение. Речь идет о вручении письма Председателя Совета Народных Комиссаров Ленина от 2 февраля сего года руководителям вашего Красного Креста.

В то время некоторые влиятельные шведские круги рассчитывали в условиях, когда Советская Россия переживала трудности восстановительного периода, добиться выезда в Швецию известного физиолога Павлова.

17 февраля Керженцев направил это письмо адресату.

В письме, написанном по-немецки, отклонялась просьба шведского Красного Креста на том основании, что Советская республика вступила в период интенсивного строительства, требующего напряжения всех духовных и творческих сил страны, активного сотрудничества таких выдающихся ученых, как профессор Павлов.

Внутренняя жизнь Швеции в буржуазной печати освещалась, как правило, в заметках и небольших сообщениях.

Таким политическим событиям, как забастовки, демонстрации против массовых увольнений рабочих, банкротство фирм и банков, отводилось мало места. По сообщениям о парламентских дебатах, если в них затрагивался вопрос о королевском дворе, были пространными. Полнее освещалась жизнь страны на страницах демократических газет. Большой интерес вызвало обращение левой Шведской социал-демократической партии с призывом ко всем организациям рабочих объединиться в борьбе за общие цели и, в частности, за возобновление политических и экономических отношений с Советской Россией.

Керженцев встречался с премьер-министром, министрами, депутатами, учеными, писателями, послами, представителями делового мира. Присутствуя на заседаниях риксдага, он делал заметки о наиболее интересных выступлениях. Из этих заметок видно, что заседания обеих палат риксдага, состоявшиеся в феврале 1921 года, были весьма бурными. Когда началось обсуждение первой статьи проекта закона о бюджете на 1922 год, предусматривавшей увеличение ассигнований на содержание королевского двора, некоторые депутаты выступили против. Депутат Венстрём, заканчивая свою речь уже под звон колокольчика, заявил, что эта статья предусматривает повышение жалования его величеству королю на 25 процентов, как раз настолько, насколько понижается заработная плата рабочим. Однако эта статья была принята большинством голосов.

Деловые круги Швеции, желая извлечь выгоды из торговли с Россией, создали экспортную корпорацию с общим капиталом в один миллиард крон. 18 марта состоялось собрание учредителей экспортной корпорации, на котором выступил с речью и Керженцев.

— Дамы и господа, идя навстречу пожеланиям distinguished председателя, я в общих чертах остановлюсь на положении в моей стране. Это вопрос, которым очень интересуются во многих странах...

Спокойно и уверенно он говорил о победе Красной Армии над объединенными силами международной и внутренней контрреволюции.

— Эта победа позволила правительству молодой социалистической республики наметить план великих работ по восстановлению народного хозяйства и начать переговоры об установлении дипломатических и торговых отношений с различными государствами. Нет нужды говорить, что в основе этих отношений должен лежать принцип независимости и равноправия. Моя страна в первую очередь будет покупать машины, станки, паровозы, рельсы, косы, бороны, ры-

боловные сети. Продавать же — пшеницу, лес, пушнину, лен, пеньку, племенных лошадей.

Учредительное собрание приняло резолюцию, в которой рекомендовалось правительству начать переговоры с Советской Россией о заключении торгового договора. Речь полпреда широко освещалась в печати.

19 мая Керженцев устроил прием по случаю годовщины подписания договора между Центросоюзом и концерном шведских фирм. На приеме присутствовали депутаты, члены правительства, ученые, писатели, художники, композиторы, представители деловых кругов. Министр иностранных дел, обмениваясь с полпредом последними новостями, выразил удовлетворение оживлением шведско-советских отношений.

— Дамы и господа, — обратился Керженцев к гостям. — Договор, годовщину которого мы сегодня отмечаем, и соглашение, подписанное в дополнение к нему, выгодны для обеих сторон. Россия получает машины, станки, паровозы, селяки; Швеция — пшеницу, лес, пеньку, лен. Налаживаются научные и культурные связи. Не сомневаюсь, что правительства двух соседних стран не остановятся на этом, пойдут дальше. Позвольте мне провозгласить тост за здоровье и благополучие вашего трудолюбивого народа.

Отвечая на эту речь, директор экспортной корпорации Нюландер говорил о заинтересованности шведских банков, кредитных обществ и фирм в развитии экономических отношений с Советской Россией. Трудности, которые возникают на этом пути, будут, по его словам, преодолены.

Теплую речь на русском языке произнес известный ученый, доктор славянской филологии Иоган Август Лундell.

— Достопочтенные дамы и господа! Известно, что с давних времен Швеция и Россия жили в дружбе и успешно вели торговые дела. Шведы и русские вместе совершали плавание по Ледовитому океану, вместе прокладывали пути для будущих поколений...

Речи полпреда и гостей широко освещались в печати.

Однако королевское правительство, испытывая давление политики стран Антанты, не решалось пойти на установление более тесных отношений с новой Россией.

Переговоры Керженцева с норвежской делегацией, начавшиеся в апреле 1921 года, прервались. Консервативное правительство Отто Халворсена соглашалось признать за нашим полпредством лишь ограниченные полномочия. Министр иностранных дел Мишле, выступая в стортинге, заявил, что

несмотря на то что русский вопрос и является весьма важным в области внешней политики, правительство его величества не склонно возобновлять дипломатические отношения с Советской Россией. Речь министра подверглась резкой критике. Депутаты обвиняли правительство в намерении лишить Норвегию одного из мировых рынков.

Правительство, не выдержав атаки, подало в отставку.

Король Хокон VII поручил Блэру, лидеру либеральной партии, сформировать новое правительство. Блэр взял в свои руки два портфеля: премьер-министра и министра финансов. Первые шаги его правительства указывали на возможность возобновления переговоров в ближайшее время. Устраняя препятствия, оно отменило распоряжение прежнего правительства, запрещающее ввоз в Норвегию изданий русской литературы.

Желая облегчить торговые и политические отношения между Швецией и Россией, Керженцев 4 июля направил министру иностранных дел Врангелю телеграмму, в которой сообщалось, что он уполномочен предложить королевскому правительству начать подготовку к заключению торгового договора, подобно договорам и соглашениям, подписанным между РСФСР и другими европейскими странами.

Министр иностранных дел не торопился с ответом.

Переговоры с Данией, которые вел Керженцев, тянулись довольно долго и трудно. Королевский двор, находясь в родственных связях с домом Романовых, предоставил бывшей царице Марии Федоровне, датской принцессе, убежище, а его правительство все еще сохраняло официальные отношения с бывшим царским послом.

Тогда в Дании, охваченной экономическим кризисом, сокращалось производство, закрывались предприятия, росла безработица. Датские деловые круги обнаруживали явное недовольство поведением правительства, в частности министра иностранных дел Скавениуса. 8 апреля, когда в фолкетинге началось чтение законопроекта о деятельности министерства иностранных дел, депутат Ганс Нильсен сделал запрос:

— Не намерен ли господин министр иностранных дел возобновить торговые переговоры с Россией? Ведь правительства Великобритании и Германии уже подписали с ней торговые договоры. Не рискует ли Дания остаться позади?

Скавениус, не желая вызвать полемику, ограничился туманным ответом:

— Переговоры с русскими закончились принятием предложения о подготовке проекта. Когда проект будет готов,

министерство иностранных дел рассмотрит его. Пасколько мне известно, ни одна страна еще не получила концессий в России. Таковы шансы и у Дании.

Проект датско-советского договора, подготовленный не без участия министра иностранных дел, был вручен Керженцеву 28 июня 1921 года в Стокгольме. Там же, в августе, начались переговоры. К сожалению, они не привели к соглашению, поскольку датское правительство отказалось принять основное положение политического характера, а именно признание полпредства единственным представителем РСФСР.

26 ноября министерство иностранных дел Дании опубликовало официальное сообщение, в котором, в частности, говорилось, что переговоры с Россией не привели к соглашению, так как уступки русских в политической и торговой сфере «оказались недостаточно реальными свойствами».

Срыв торговых переговоров вызвал недовольство общественного мнения в Дании. В печати резко критиковали министра Скавениуса. Журналистам стало известно содержание секретной инструкции, которую министр послал главе датской делегации в Стокгольм. В инструкции давалось указание «довести переговоры до разрыва, но так, чтобы вина пала на русскую делегацию». В статьях высказывалось предположение: не связан ли господин министр иностранных дел узами дружбы с бывшей царицей Марией Федоровной?

Депутат Нильсен, имея в виду интриги бывшей царицы, снова сделал запрос в парламенте:

— Господин министр, в печати появились сообщения о деятельности бывшей русской царицы. Что же это у нас не только королевское, но и царское правительство?

Министр не ответил, преднамеренно приняв запрос за обычную парламентскую реплику.

Сделал запрос в парламенте и депутат Стаунинг, лидер социал-демократической партии.

— Господин министр, не могли бы вы объяснить, почему были прерваны датско-советские переговоры и намерено ли наше правительство возобновить их.

— Достопочтимый коллега, переговоры были прерваны вследствие невозможности добиться от России коммерческих льгот для Дании. Разумеется, я приложу все усилия к тому, чтобы переговоры возобновились.

Депутат Стаунинг, недовольный этим ответом, внес предложение выразить министру иностранных дел порицание за его указание о прекращении переговоров. Однако это предложение не было принято.

Успешно развивались советско-порвежские переговоры. Вскоре был согласован проект договора.

2 сентября 1921 года в Христиании полпред Керженцев и министр Мувицкель подписали Временное соглашение между Россией и Норвегией. Соглашение, состоящее из 14 статей, предусматривало обмен официальными представителями и принципы, на основе которых возобновлялись торговые и экономические отношения между двумя странами. Статья II гласила, что официальные представители высоких сторон пользуются личным иммунитетом, неприкосновенностью их жилищ, имеют право пользоваться флагом своего государства. Керженцев и Мувицкель обменялись и нотами, подтверждавшими согласие правительств впредь именовать глав торговых делегаций обеих сторон полномочными представителями.

Подписание этого соглашения широко комментировалось в мировой печати. В норвежских и шведских газетах указывалось, что соглашение по своей форме является торговым, но в действительности имеет дипломатический характер, поскольку означает признание Норвегией новой России.

Временное соглашение, ратифицированное президиумом ВЦИК РСФСР 19 сентября и стортингом 30 сентября 1921 года, было первым международным актом признания полномочного представительства РСФСР иностранным государством.

В первой партии товаров, закупленной в Норвегии, преобладало продовольствие: мука, крупа, сельдь.

Победа социал-демократов на парламентских выборах в Швеции вызвала падение правительства фон Сюдова. Выполняя поручение короля, Брантинг, лидер социал-демократов, сформировал новое правительство. Взяв в свои руки портфель премьер-министра и министра иностранных дел, Брантинг сразу же после присяги выступил с пространной декларацией о готовности своего правительства возобновить переговоры с Советской Россией, улучшить дело помощи безработным и придерживаться политики мира.

Премьер-министр принял Керженцева в своем кабинете.

— Искренне рад встретиться с вами, господин полпред, и обменяться мнениями о состоянии шведско-советских отношений, — сказал он, указывая на кресло.

— У меня, господин премьер-министр, — начал Керженцев, — имеется директива не останавливаться после неудачных переговоров, а искать новые пути сближения наших стран. Соглашение, подписанное нами с королевским правительством Норвегии, уже дало свои плоды.

— Господин полпред, мы, шведы, не будем позади норвежцев. Мое правительство готово возобновить переговоры, ну скажем, во второй половине октября.

На вопрос Керженцева, кто будет вести переговоры от имени правительства, Браптинг ответил, что полномочия получит он сам.

Переговоры начались 25 октября, во вторник, в министерстве иностранных дел.

Премьер-министр, представив полпреду министра торговли Свенсона, попросил разрешения сказать несколько слов в виде вступления. Выразив удовлетворение возможностью вернуться к старым добрым традициям в шведско-русских отношениях, он говорил о трудностях, вызванных экономическим кризисом, о выгодах, которые могли бы извлечь два соседних государства из свободной торговли, о намерении своего правительства направить в Петроград два парохода с продовольствием и медикаментами.

— Это наш дар голодающим Поволжья, — сказал премьер-министр. — А теперь, переходя к делу, я хочу сообщить, что мое правительство готово с вниманием рассмотреть предложения, которые ваше правительство сочтет пужным представить.

Керженцев ответил краткой речью. Выразив благодарность за помощь голодающим, он сообщил, что правительство РСФСР продолжает закупать в разных странах хлеб и продовольственные товары.

— Как и вы, господин премьер-министр, я верю в успех наших переговоров. По поручению моего правительства я вручаю вам проект нашего договора. В основе своей он содержит такие же положения политического характера, какие имеются и в советско-норвежском соглашении.

Премьер-министр, бегло просмотрев проект, обещал передать его назначенной им делегации в составе министра торговли и трех бывших министров: министра иностранных дел, министра финансов, министра юстиции.

— Если встретятся трудности, — добавил он, — я сам приму участие в переговорах.

Расстались с надеждой на скорую встречу.

Королевское правительство изучало проект две недели. За это время Керженцев дважды получил дипломатическую почту. В письмах Чичерина сообщались хорошие вести о новых шагах правительства РСФСР на международной арене. 27 октября 1921 года Народный комиссариат внешней торговли подписал с Американской объединенной компанией медикаментов и химических препаратов договор о поставке России одного миллиона пудов пшеницы; 2 ноября правительст-

во РСФСР подписало с этой же компанией концессионный договор на разработку асбестовых месторождений на Урале; 5 ноября было подписано соглашение об установлении дружественных отношений между Россией и Монголией.

8 ноября премьер-министр Брантинг пригласил к себе Керженцева.

— Я хотел уведомить вас, господин посол, что королевское правительство готово признать правительство России де-юре при условии заключения торгового договора, который дал бы Швеции экономические выгоды,— начал разговор Брантинг.— Без этого условия правительство социал-демократов не сможет получить поддержки политических партий в риксдаге.

— Может быть, ваше правительство изложит свои предложения в виде проекта. Это облегчило бы рассмотрение столь важного вопроса со всех сторон,— предложил Керженцев.

— Хорошо,— ответил премьер-министр,— мы представим вам свой проект в ближайшие дни. Но я хотел бы сообщить вам, что в проект мы намерены включить положения об удовлетворении вашим правительством претензий частных лиц и о получении ваших заказов для нашей промышленности.

— Господин премьер-министр, вопрос о претензиях является совершенно новым фактом, касающимся не одной Швеции, а всех наших международных отношений. Моя страна, пережившая интервенцию, гражданскую войну и блокаду, не имеет возможности удовлетворить эти требования, среди которых имеются и весьма спорные.

— Есть разные категории претензий — спорные и бесспорные. Сейчас я говорю о принципиальном отношении королевского правительства к этому вопросу.

— Нет, это требование не подлежит рассмотрению на наших переговорах. Что же касается решения вопроса о наших новых заказах, то оно зависит и от Швеции, поскольку речь идет о предоставлении кредитов.

— Я думаю, что наши фирмы будут заинтересованы в коммерческих делах с Россией и не откажут в кредитах.

— Окажет ли ваше правительство содействие в предоставлении нам займа Государственного банка? — спросил Керженцев.

— Наш банк, как вы знаете, не зависит от правительства, но я обещаю сделать все возможное.

На очередном совещании, состоявшемся 11 ноября, премьер-министр не присутствовал. Активно выступали три бывших министра, по вине которых и были прерваны переговоры. Начав атаку, они придерживались старой позиции, изло-

женной в заявлении своего премьер-министра: Швеция признает Советскую Россию, а она признает частные претензии; только после этого можно было бы договариваться с балками и деловыми кругами о кредитах.

Отбивая эту атаку, Керженцев сразу же отверг предложение о частных претензиях.

— Правительство моей страны, — заявил он, — подписав ряд международных договоров и соглашений, никому не обещало и не намерено обещать какую-либо плату за признание. Развивая свои международные экономические связи, оно давало и может дать гарантии по своим заказам, разумеется, если будут предоставлены кредиты. Наши заказы столь крупные и выгодные, что правительства Великобритании, Германии, Италии, учитывая экономический кризис и безработицу, проявляют к ним весьма большой интерес.

Министр торговли Свенсон, посоветовавшись с бывшими министрами, предложил прервать заседание, чтобы доложить своему правительству о ходе переговоров.

В тот, 1921 год молодое социалистическое государство постигло тяжелое бедствие: голод в Поволжье, на Южном Урале, в Крыму и ряде губерний Украины.

В кампании помощи голодающим, начатой в Швеции по инициативе левых социал-демократов, приняли участие широкие массы народа, представлявшие различные политические и религиозные направления. Красный Крест, закупив муку, сахар, медикаменты и одежду, зафрахтовал два парохода в Петроград и назначил экспедицию во главе с доктором Эриком Экстрандом.

Накануне отхода этих пароходов Керженцев дал обед в честь членов экспедиции и своих друзей. Поблагодарив за помощь, он ознакомил их с маршрутом, по которому экспедиция будет следовать от Петрограда до Самары.

Среди членов экспедиции была молодая женщина в черном платье и белой косынке на белокурой головке — Карин Линдскуп, сестра милосердия, первая из шведских женщин, выразивших желание отправиться в Россию на помощь голодающим детям. Среднего роста, с голубыми добрыми глазами, она была чудесным человеком. Прибыв в Самару, Карин попросила назначить ее в детскую больницу. В своих письмах к родным и друзьям она сообщила, что этот губернский город, воздвигнутый в конце XVI столетия на левом берегу большой русской реки, понравился ей, что его жители — люди добрые, скромные, работают самоотверженно, не жалуется на трудности.

Всегда в белом фартуке с красным крестом на груди, в белом платочке, она не знала покоя, ухаживала за детьми, кормила и выводила их на прогулку, отдавала им материнскую ласку и любовь, передала в дар больнице все свои сбережения на приобретение для них продовольствия и медикаментов. Карин часто можно было увидеть и в окрестностях города, где были открыты народные столовые. Местные жители ласково называли ее сестричкой и Катей.

Когда экспедиция, закончив свою миссию, готовилась к отъезду на родину, Карин обратилась к доктору Экстрапду с просьбой разрешить ей остаться в Самаре до нового урожая. Именем Карин Линдскуг названы детские сады и улица в Куйбышеве, бывшей Самаре.

В политике правительства социал-демократов не намечалось перемен. Развивая свои отношения с западными странами, оно по-прежнему оглядывалось на Германию. Об этом много говорили и писали. Нередко в печати появлялись и статьи, в которых приводились клеветнические сообщения о внешней политике РСФСР.

Обычно, когда правительство социал-демократов делало какой-нибудь шаг в сторону Советской России, оно сразу же оказывалось под обстрелом консерваторов и либералов. Выступая в печати и риксдаге, они обвиняли его в намерении разрешить большевикам учредить в Стокгольме свои пропагандистские учреждения и предоставить им кредиты в ущерб национальным интересам.

Премьер-министр особенно не старался отбивать атаки правых, ограничиваясь заявлениями о том, что представители РСФСР обязались не вести своей пропаганды и что его правительство не намерено предоставлять кредиты, не получив гарантий о «возмещении потерь подданных королевства».

Большая часть буржуазных газет выступала против ратификации договора, ссылаясь на то, что она означала бы юридическое признание правительства большевиков. 9 марта 1922 года газета «Свенска дагбладет» опубликовала рисунок под заголовком «Триумфатор в семиоконной карете».

Художник изобразил королевскую карету, которую везут запряженные цугом две пары белоснежных рысаков. Перед каретой скачет лихой всадник в треуголке и вицмундире наполеоновских времен. Приподнявшись на стремянах, он смотрит вдаль, стараясь заранее увидеть возможные препятствия. Карета мчится так быстро, что кучер едва удерживает вожжи. На задке кареты стоят два лакея в шляпах, украшенных страусовыми перьями. В карете друг против друга сидят два человека. Тот, который сидит спиной к кучеру,

одет в вицмундир с лентой через плечо. Человек, сидящий на почетном месте, одет в скромный черный костюм, без орденов и медалей. Он смотрит через очки в окно, под которым красуется герб Королевства Швеции. Это и есть сам «триумфатор», полпред Керженцев. Куда мчится королевская карета, догадаться нетрудно. Конечно же в королевский дворец, где послы иностранных государств вручали свои верительные грамоты.

Долгие переговоры наконец закончились принятием согласованного проекта советско-шведского торгового договора.

Реакция противников договора последовала незамедлительно. В статьях и комментариях, публиковавшихся в буржуазных газетах, они рекомендовали правительству рассматривать договор с точки зрения реальной возможности торговли с Россией и не подписывать его до Генуэзской конференции. Однако договор был подписан. Когда началось обсуждение договора в риксдаге, министр торговли Свенсон, выступая с разъяснениями основных статей договора, заявил, что сейчас, в период экономического кризиса, торговля с Россией очень выгодна для страны. Швеция получила по русским заказам более чем на сто десять миллионов крон прибыли.

Давление правых сил на риксдаг, начавший рассматривать предложение правительства Брантинга о ратификации торгового договора, вызвало в стране демонстрации протеста.

Долгие и бурные парламентские дебаты подходили к концу. Противники ратификации шведско-советского договора, выступая в прениях, единым хором излагали основные положения своих возражений: правительство не должно заключать этого договора накануне созыва Генуэзской конференции; договор, не предусматривающий возмещение убытков подданных королевства, принесет больше выгод России, чем Швеции; принцип взаимности договора непримлем там, «где отсутствует демократический порядок и нет гарантий сохранения частной собственности иностранцев». Активно выступали против ратификации и промышленники, собственность которых была национализирована.

Дебаты закончились победой правых сил. 31 марта 1922 года риксдаг большинством голосов отклонил предложение о ратификации договора.

10 июня на страницах «Социал-демократен» появилось интервью Керженцева, вызвавшее серьезное беспокойство в деловых кругах. Полпред РСФСР говорил прямо, что «вследствие отказа риксдага от ратификации русско-шведского договора, отношения между Швецией и Россией, естественно,

ухудшились», что ухудшение отношений, вызванное отсутствием юридических гарантий, которые мог бы дать новый договор, неизбежно приведет к сокращению русских заказов в Швеции. Но правительство РСФСР, проводя политику сотрудничества с различными государствами, не откажется от новых переговоров с королевским правительством.

Позиции правительства социал-демократов были настолько поколеблены, что оно не могло дать решительного отпора выступлениям консервативной печати, обвинявшей его в неспособности укрепить национальную оборону страны и королевский флот на Балтийском море. Началась агитация за создание оборонительного союза между Швецией и Финляндией ввиду опасности, будто бы грозившей со стороны Советской России.

Отвечая на эти выступления, «Политикен» напомнила в своей статье, что Финляндия получила независимость не от Керенского, а от Ленина, что агитацией за военный союз «руководят белофинские агенты, находящиеся под покровительством шведской полиции».

Находясь в Женеве, Брантинг узнал о подписании 5 июня 1922 года торгового договора между РСФСР и Чехословакией и о предстоящей поездке Эррио, лидера французской радикальной партии, в Россию. Две эти новости, видимо, и толкнули его на мысль начать новые переговоры. В интервью корреспонденту «Социал-демократен» он заявил, что Швеции не следует отставать от других государств, установивших отношения с новой Россией.

Неудачи во внешней политике своего правительства Брантинг решил компенсировать победой в области внутренней политики. Желая раз и навсегда запретить крепкие напитки в стране, он затеял игру с референдумом. Вопрос, запрещать или не запрещать крепкие напитки, стал злобой дня. Референдум, вызвавший в демократической печати колкие фельетоны и карикатуры на министров и депутатов, состоялся 27 августа. И снова удар. Предложение правительства было отвергнуто.

В конце августа 1922 года Платон Михайлович, получив очередной отпуск, выехал в Москву вместе с женой.

Снова родной город. Знакомые улицы, переулки, тихо аллеи бульваров. Но отдых был недолгим.

Три дня Платон Михайлович сидел в Наркоминделе. Доложив Карахану, исполнявшему обязанности народного комиссара иностранных дел, о своих последних беседах с премьер-министром Брантингом, он начал готовиться к со-

вещанию дипломатических работников. Такие совещания Чичерин проводил часто. Во вступительном слове он обычно говорил об итогах выполнения наиболее важных заданий партии и правительства по вопросам внешней политики, о плане работы на будущее. Раскрывая одну за другой папки, лежавшие стопками на столе, он давал оценку работы различных отделов, называл фамилии работников, отличившихся в исполнении заданий, указывал на ошибки и неточности в переводах с иностранных языков. На совещаниях выступали и полпреды с сообщениями об опыте своей дипломатической работы.

Узнав, что совещание назначено на 3 часа дня, Керженцев удивился. Ведь раньше все заседания, совещания, как правило, проводились по ночам. Такова была практика работы в государственных учреждениях с первых дней Октября. Более всего эта практика укоренилась в Народном комиссариате иностранных дел. Чичерин, несмотря на критику, продолжал работать по ночам.

Слухи о практике «ночного бдения» дошли и до Кремля. Желая знать, насколько эти слухи верны, Ленин поручил управляющему делами Горбунову дать справку о распорядке рабочего дня в Наркоминделе. Выполняя поручение, Горбунов дважды беседовал с Чичериным, Караханом, Менжинским, Литвиновым, Давтяном, руководителями партийной и профсоюзной организаций. Постепенно картина проявилась: работа в Наркоминделе не прерывалась в течение суток; нарком, его заместители, ответственные сотрудники, нарушая трудовое законодательство, работали днем и ночью с небольшими перерывами; многие из них выглядели крайне уставшими.

Об этом Горбунов доложил Ленину в своей записке от 6 декабря 1921 года.

«Глубокоуважаемый Владимир Ильич!

Отвечаю на Ваши вопросы.

Работа в Наркоминделе сейчас проходит круглые сутки. Ответственные работники проводят в Комиссариате 18—20 часов...»

Сам же нарком, пояснялось в записке, работает примерно с 12 часов ночи до 2 часов следующего дня. Распорядок его работы: с 12 часов ночи и до 5 часов утра заседания коллегии три раза в неделю; с 5 до 2 часов дня просмотр дипломатической почты, подготовка писем, прием по личным вопросам. Естественно, что к этому распорядку приспосабливаются и многие работники. Конечно, такая перегрузка заметно отражается на состоянии здоровья работников, их настроении.

Ознакомившись с запиской, Ленин пригласил к себе Чичерина. После этой беседы Чичерин внес существенные поправки в распорядок рабочего дня в Наркоминделе и до минимума сократил работу ночью.

Керженцев готовился к отъезду. Карахан, приняв его, передал указание правительства добиваться заключения торгового договора со Швецией на той же основе, на которой было подписано торговое соглашение с Норвегией.

— Да, есть и одно поручение вам,— продолжал он.— Георгий Васильевич, уезжая на лечение в Берлин, просил передать вам вот этот пакет. Здесь полный комплект журнала «Природа и люди» за 1914 год. Во втором номере журнала интересная статья «Нансен в России» и редкие фотографии: «Нансен на пристани», «Нансен в Енисейской гимназии у географической карты». Постарайтесь вручить Нансену лично.

На этот раз Керженцев уезжал в Стокгольм один. Давно уже в его семейной жизни произошел разлад, и надежды на улучшение не оправдались.

14 октября 1922 года премьер-министр Брантинг пригласил Керженцева в свою резиденцию на деловое свидание.

— Господин полпред,— начал он,— позвольте представить вам глав и представителей некоторых наших фирм, также приглашенных мною на эту встречу.

Взяв лист бумаги, лежавший перед ним на столе, он продолжал:

— Господин полпред, господа! Королевское правительство, воодушевленное желанием поддерживать добрые отношения со всеми странами, могло бы пойти на заключение договора с Россией при условии возмещения убытков, понесенных нами в результате русской революции. Договор был бы возможен на основе следующих положений: правительство его величества и РСФСР обмениваются официальными представителями, сопровождаемыми секретарями и атташе; официальные представители будут уполномочены выдавать паспорта, визы, защищать интересы своих государств и соотечественников, иметь право свободного сообщения со своими правительствами; официальные представители будут пользоваться правом полной неприкосновенности личности, имущества согласно международному обычаю и праву; обе стороны воздержатся от пропаганды, направленной друг против друга.

Господа, поскольку настоящее свидание ставит целью взаимное осведомление о возможных путях сближения Шве-

ции и России, было бы желательно выслушать и мнение господина полпреда.

Керженцев, поблагодарив, выступил с кратким заявлением.

— Господин премьер-министр, господа! Мое правительство, проводя политику мирных и дружественных отношений со всеми странами, независимо от их политических и социальных систем, готово и без каких-либо условий начать переговоры с королевским правительством. Если бы основные положения, о которых его превосходительство говорил здесь, были изложены, скажем, в памятной записке на имя полпреда, я доложил бы о них своему правительству.

— Это возможно,— ответил Брантинг, взглянув на своего министра Свенсона.

Обмен мнениями закончился одобрением предложения правительства о необходимости начать новые переговоры с Советской Россией.

В ожидании памятной записки, обещанной премьер-министром, Керженцев встречался с депутатами риксдага, общественными деятелями, учеными, писателями, журналистами и обменивался с ними мнениями по различным вопросам советско-шведских отношений.

В начале 1923 года экономическое положение в Швеции еще более обострилось. Многие заводы и фабрики сокращали свое производство или закрывались, поскольку их продукция не находила сбыта. Массовые увольнения рабочих и служащих увеличивали армию безработных. Начались забастовки на железных дорогах, на фабриках, лесных разработках. Митинги и демонстрации, состоявшиеся в Стокгольме и Гетеборге, вынудили правительство рекомендовать владельцам предприятий временно воздержаться от увольнения 40 тысяч рабочих.

Коммунистическая партия и демократические организации подвергли резкой критике законопроект, предусматривавший уменьшение прибавки на дороговизну к заработной плате служащих.

Правительство Брантинга, желая укрепить свои позиции на международной арене, 3 февраля направило в Москву свою делегацию во главе с бывшим министром юстиции Ленгреном, а вслед за ней — и делегацию представителей крупнейших фирм. В официальном сообщении, опубликованном в печати, указывалась и цель визитов — выяснить некоторые вопросы, связанные с предстоящими переговорами с СССР о торговом договоре.

Керженцев, получив уведомление от Чичерина, готовился к отъезду на родину. Утром 10 марта он нанес прощальный визит премьер-министру Брантингу.

— Я сердечно благодарю вас, господин полпред, за ваше сотрудничество с моим правительством и лично со мной. Конечно, мы не все сделали, что хотелось бы, но мы не жалели сил и трудились на благо наших стран. Не могу не выразить сожаления, что вы покидаете нашу страну. Желаю вам успеха на новом посту. Вручая вам памятную записку, обещающую мной на совещании, я прошу вас доложить о ней своему правительству.

Вечером Керженцев покинул Стокгольм.

На следующий день после его отъезда в газетах «Политикен», «Свенска дагбладет», «Социал-демократен», «Свенска моргенбладет» появились статьи, в которых содержались теплые отзывы о полпреде, особенно отмечались его трудолюбие и искренность.

Платон Михайлович работал в Швеции более двух лет. Продолжая традиции Воровского, первого посла нового мира, он прокладывал пути к установлению дружественных отношений Страны Советов со Швецией, Норвегией, Данией.

Возвратившись на родину, Керженцев получил назначение на пост председателя Совета по научной организации труда.

Изучая архивы, историческую литературу, он приводил в порядок свои рукописи по истории Ирландии, сотрудничал в «Правде», являясь членом редколлегии газеты, встречался с Максимом Горьким, Надеждой Константиновной Крупской, работал над книгой о жизни В. И. Ленина.

В марте 1925 года Керженцев женился на Марии Михайловне Добшиной.

В Италии

4 апреля 1925 года Президиум ЦИК СССР назначил Платона Михайловича Керженцева полномочным представителем СССР в Италии. Этому назначению партия и правительство придавали особое значение.

Знакомясь с телеграммами, политическими письмами, дневниками, докладами полномочных представителей Воровского, Иорданского, Юренева о советско-итальянских отношениях, Платон Михайлович обращал внимание на политическое положение в Италии. Тогда оно было весьма сложным.

Шел третий год фашистской диктатуры. Наступление на

демократические свободы продолжалось с невероятной быстротой. Совершались вооруженные нападения на помещения редакций газет и журналов, издававшихся коммунистической, социалистической и республиканской партиями, на посольства и миссии иностранных государств. Эти нападения сопровождались погромами, поджогами, убийствами. Полиция пускала в ход оружие при разгоне демонстраций и подавлении забастовок. Правительство Муссолини, опасаясь разоблачений в парламенте и печати своей политики репрессий, жестоко подавляло деятельность парламентской оппозиции. Первый министр королевства, выступая в парламенте с новой программной речью, заявил, что фашизм не боится критики.

— Досточтимые синьоры! Вы думали, что фашизм умер, потому что я набросил на него узду. Если я только развяжу сотую часть энергии, которую я обуздал, то вы увидите, что тогда будет. Но у правительства нет нужды прибегать к помощи этой силы. Будьте уверены, что через 48 часов положение в стране прояснится. Италия хочет мира. И мы дадим ей мир и успокоение...

А по улицам Рима маршировали патрули и мчались грузовики с карабинерами. Чуть ни на каждом углу полицейские останавливали прохожих, вызывавших подозрения. На страницах газет «Империо», «Пополо д'Италия» появлялись статьи с призывами лишить депутатов оппозиции парламентской неприкосновенности на том основании, что они своей кампанией разоблачений правительства создавали почву для волнений в стране.

Политика бойкота парламента, которую проводила оппозиция блока буржуазных партий, была поколеблена. Либералы и ветераны войны пошли на попятную. Группа в 45 депутатов во главе с Джолитти, Саландра, Орландо, бывшими премьер-министрами, решила вернуться в парламент. Осторожно, с оговорками отступала от прежней позиции бойкота и католическая народная партия.

Не отступали коммунисты и социалисты. Депутат Гриеко, выступая в дебатах по законопроекту о новой избирательной реформе, подверг острой критике политику фашизма. Коммунисты, заявил он, рассматривают фашизм как вырождение буржуазного общества. Суд над фашизмом будет тогда, когда он предстанет перед революционным трибуналом.

Игнорируя парламент, Муссолини заявлял представителям печати, что «заседания коммерческих обществ бывают более полезны, чем прения в парламенте».

Правительство не выполнило своего обещания дать Италии мир и спокойствие. Экономическое положение в стране

ухудшалось. Увеличивалась армия безработных, повысились цены на хлеб и продовольственные товары, продолжались забастовки рабочих, требовавших увеличения заработной платы. Не добилось оно успеха и в области международных отношений.

Опасаясь развития революционного движения в стране, правительство Муссолини отменило право рабочих на забастовки, увеличило корпус карабинеров на 5 тысяч человек и создало новый корпус милиции общественной безопасности. Таково было положение в Италии на 21 апреля, когда в Рим прибыл полномочный представитель СССР Платон Михайлович Керженцев.

3 мая Керженцев вручил королю Виктору Эммануилу III свои верительные грамоты. Король, любезно принявший полпреда СССР, говорил о давних традициях дружбы и доверия между двумя странами. В конце речи он сказал, что королева Елена будет рада принять у себя синьору Марию Керженцеву.

Готовясь к встрече с премьер-министром, Керженцев еще раз просмотрел дипломатическую переписку, дневники, телеграммы по наиболее важным вопросам, связанным с договором о торговле и мореплавании между СССР и Италией от 7 февраля 1924 года. Из документов было видно, что предложение о желательности заключения нового договора было внесено лично Муссолини. К этому предложению обе стороны обращались неоднократно. Еще 9 февраля 1925 года в беседе с полпредом Юреневым Муссолини наметил основные положения будущего договора, предусматривавшие нейтралитет и обязательство сторон не вступать в какие бы то ни было комбинации, дипломатические или иные, острые которых могло бы быть направлено против одной из них.

Рассмотрев это предложение, правительство СССР ответило согласием приять его в качестве основы переговоров и выразило желание получить от королевского правительства разъяснение по конкретным положениям договора. Однако ответа тогда не последовало.

Премьер-министр Муссолини встретил полпреда Керженцева у дверей своего кабинета. Поздравив его с назначением, он указал на мягкие кресла.

— Благополучно ли вы, господин посол, доехали?

— Благодарю.

— Знакомся по сообщениям печати с вашей биографией, я невольно вспомнил господина Воровского. Придерживаясь различных политических взглядов, мы тем не менее находили общий язык по некоторым важным вопросам. Иногда мои коллеги упрекали меня в чрезмерном почтении к нему.

Не скрою, уважал. Это был, я сказал бы, апостол в дипломатическом корпусе. Вспоминая, я часто задавал себе вопрос: чем же именно Италия так привлекает к себе русских ученых, писателей и дипломатов, когда-то посвятивших себя революционной деятельности? Не думаю, чтобы только климатом и голубым небом.

— Вы правы, господин председатель. В течение столетий Италия манила к себе людей из многих стран мира своим великим культурным наследием и своими демократическими традициями.

— Извините, господин посол, где вы научились так хорошо говорить по-итальянски. В эмиграции?

— Нет, латинский и французский языки я изучал в гимназии. Итальянский — в университете. Господин председатель, — переменял тему Керженцев, — недавно я прочел в одной римской газете статью с весьма странным рассуждением. Автор, не ссылаясь на источники, утверждает, что Италия чуть ли в течение целого столетия направляла в Россию своих послов, имевших почетные титулы герцога, графа, барона и многие награды. Россия отвечала взаимностью. Но правительство СССР, вмешиваясь во внутренние дела других государств, экспортирует в Италию вместе с русской пшеницей и русских революционеров...

— Нелепые рассуждения, — ответил Муссолини, махнув рукой, — к сожалению, подобные мысли еще высказываются у нас.

— Имея инструкции правительства, я в своей деятельности буду стремиться к установлению дружественных отношений между народами наших стран.

— Могу заверить вас, что в этом благородном деле вы встретите с моей стороны понимание и поддержку.

— Узнав, что вы намереваетесь выступить в сенате с речью о внутренней и внешней политике своего правительства, я хочу прислать вам ноту с официальными данными об экономических выгодах, которые обе стороны извлекли из нашего договора 1924 года.

— Это было бы хорошо. Я прошу вас представить их до начала дебатов в сенате, где я буду говорить и об итало-русских отношениях.

— Позвольте мне надеяться, что после этой речи в вашей печати не будет места статьям с обвинениями моего правительства во вмешательстве во внутренние дела Италии.

— Можете быть спокойны, я скажу в сенате и об этом.

11 мая Керженцев направил лично премьер-министру ноту с приложением, в которой приводились интересные дан-

ные о развитии торговых отношений между СССР и Италией.

Премьер-министр Муссолини часто заявлял о своем желании развивать экономические отношения с СССР, хвалил договор о торговле и мореплавании, под которым стоит и его подпись, говорил, что договор открыл Италию богатейший рынок в России. Когда же давление политики Англии и Германии на Италию усиливалось, он легко отступал, переходил на враждебные позиции и нередко в своих выступлениях в парламенте обвинял правительство СССР во вмешательстве во внутренние дела и пропаганде идей Коминтерна. Однако экономический кризис в стране, вызвавший рост безработицы, дороговизну, падение курса лиры, и напоминание правительства США о необходимости уплаты Италией своего военного долга вынудили его снова встать на путь сближения с СССР. Тогда в печати стали появляться статьи, в которых выражалось сожаление по поводу враждебной кампании против СССР и его посла Керженцева.

21 мая Муссолини, выступая в сенате с простральной речью, говорил о международных отношениях вообще, о положении в Германии, на Балканах и об итало-советских отношениях.

— Я не думаю, чтобы русское правительство хотело скомпрометировать свое дипломатическое положение, давая повод для подозрений тем правительствам, при которых оно аккредитовано. И я должен заявить чистосердечно, что до сих пор итальянское правительство не имеет что-либо поставить в упрек русским дипломатическим представителям в Италии, равно как и сотрудникам торгового представительства. Их поведение было все время абсолютно корректным, и надеюсь, останется таким и впредь...

В ожидании открытия заседания палаты депутатов, которая должна была утвердить королевский декрет о ратификации договора о торговле и мореплавании или отвергнуть его, ходили разные слухи. Говорили, что Муссолини выступит в палате за утверждение договора, но потребует от русских увеличения поставок пшеницы и «прекращения коммунистической пропаганды». Если русские не пойдут навстречу, Италия подпишет договор с Германией и, может быть, с Францией. Но в дипломатическом корпусе склонялись к иной мысли. Не пойдет, мол, Муссолини на обострение отношений с СССР, поскольку Италия, переживая экономический кризис, находится в крайне тяжелом положении и нет у нее надежды на реальную помощь Америки или Великобритании.

3 июня 1925 года заседание палаты депутатов открылось при переполненном зале. В ложах и на галереях находились члены дипломатического корпуса, журналисты, гости. Рассмотрев вопрос о государственном бюджете, палата депутатов приступила к обсуждению законопроекта о договоре. Муссолини, подойдя к трибуне, положил на нее черную папку и, дождавшись окончания овации, начал говорить. Выразив желание воздержаться от политического подхода к оценке итало-советского договора, он сообщил, что решил говорить лишь об экономических отношениях между двумя государствами.

— Юридическое признание СССР нашим королевством привело нас к договору о торговле и мореплавании, действие которого длится уже 15 месяцев и срок которому истекает через 20 месяцев. Всем ясно, что отказаться от утверждения договора невозможно. Теперь не мешает нам присмотреться к результатам, которые, по моему мнению, удовлетворительны. В 1913 году Россия поставила Италии товаров на 73 миллиона рублей; Италия же поставила России товаров всего на 16,8 миллиона лир. Иная картина после договора. С 1 апреля по 1 октября 1924 года русские поставки зерна и сырья составили сумму в 99,5 миллиона лир. Существование в СССР монополии внешней торговли, конечно, затрудняет торговые дела с Италией, где нет монополии. Но ведь в таком положении находятся и другие страны. Мы должны считаться с реальными фактами. Я должен сообщить палате депутатов, что переговоры об этом договоре вел я и что я рассматриваю его как основу, на которой могут быть достигнуты более удовлетворительные результаты. Я должен, кроме того, заявить, что мы не можем входить в обсуждение государственных режимов, существующих в других странах. Я сам неоднократно заявлял, что не позволю ни одному правительству вмешиваться в наши внутренние дела.

Остановившись, Муссолини закрыл папку.

— Досточтимые депутаты! Если другие капиталистические страны, более развитые, чем Италия, торопятся наладить отношения с Россией, то мы, считающие себя народом бедняков, не можем не интересоваться рынками, обещающими нам выгоды в будущем...

Палата депутатов приняла решение о превращении королевского декрета в парламентский закон.

Правительство СССР, выполняя свои обязательства по договору, шло на широкое развитие отношений с Италией.

В июне военно-морские власти Ленинграда принимали на

Нове корабли «Пантера», «Леоне», «Тигре», входившие в состав королевского флота; в сентябре миноносцы Черноморского флота «Петровский» и «Незаможник» нанесли ответный визит в Неаполь; продолжался обмен изданиями литературы по различным вопросам научных знаний между академиями наук.

Однако на пути развития государственных отношений нередко возникали серьезные препятствия, вызванные колебаниями в политике королевского правительства. Так, в газете «Реньо», издававшейся крупным промышленником Гвалино, появились статьи, содержавшие обвинения правительства СССР в подготовке вооруженного восстания в Италии. Фальшивка в «Реньо», подхваченная желтой прессой, вызвала возмущение общественного мнения. Полпред заявил протест министерству иностранных дел.

Всегда в период парламентской сессии в жизни страны наступало некоторое затишье. Не раздавались выстрелы и взрывы на улицах и площадях, не было слышно об арестах и обысках. Но после роспуска парламента снова пронеслась волна репрессий. В Парме, Мессине, Калабрии, Неаполе, Флоренции были произведены массовые обыски и аресты среди коммунистов, совершены налеты на редакции газет, распущены фабричные и заводские комитеты рабочих, упразднен римский муниципалитет, избравшийся в соответствии с конституцией.

24 октября 1925 года Керженцев позвонил по телефону в протокольный отдел министерства иностранных дел и напомнил о своем желании встретиться с премьер-министром.

Встреча, состоявшаяся в тот же день, началась с вопроса Муссолини.

— Вы, господин посол, пришли ко мне с протестом. Не так ли?

— Да.

— Я так и знал. Слушаю вас.

— Утром 23 октября, — начал Керженцев, — три полицейских чина, появившись на вилле Максима Горького в Сорренто, произвели обыск в комнате его личного секретаря госпожи Будберг. Перерыв рукописи и письма, они ничего интересного для себя не нашли и, естественно, не могли найти. Возможно, что эта полицейская акция была предпринята без ведома высших властей.

— Господин посол, вы правы. Без ведома высших властей. Я весьма сожалею о случившемся. Получив известие об этом происшествии, я сразу запросил у префекта Неаполя объяснение. Вот оно лежит передо мной. Местные власти, основываясь на донесениях эмигрантов о связях баронессы

Будберг с руководителями оппозиции, выступающими против политики моего правительства, произвели у нее обыск по своей воле. Вот доказательства: моя телефонограмма с указанием выслать объяснение и само объяснение. Вы можете ознакомиться с ними.

Керженцев, не пожелавший знакомиться с этими бумагами, продолжал.

— Господин председатель, Максим Горький, неоднократно выражавший благодарность итальянскому народу за его гостеприимство и сердечность, теперь не может спокойно работать. Если ваше правительство считает его пребывание в вашей стране нежелательным, он готов покинуть Италию.

— Нет, нет, мое правительство не имеет ничего против пребывания столь известного русского писателя в своей стране. Другое дело мадам Будберг...

Тут Муссолини, приподняв указательный палец, загадочно улынулся.

— Господин председатель,— прервал его Керженцев,— сведения о связях госпожи Будберг с оппозицией, как и сведения о ее личности, не заслуживают внимания, поскольку они почерпнуты из грязного источника.

— Господин посол,— сказал Муссолини, пропустив мимо ушей замечание о грязном источнике,— я готов поехать в Сорренто и лично извиниться. Заверяю вас, что прискорбный инцидент не повторится.

Заявление Муссолини об извинении было обдумано. Знал, каковы могли бы быть последствия массовых протестов, он решил взвалить всю вину за обыск на полицейских. Конечно, в Сорренто он не поехал.

Имперналистические круги западных стран стремились ослабить политические и экономические связи СССР с его восточными соседями, в частности с Турцией, превратить ее территорию в плацдарм для антисоветской интервенции. Спекулируя на финансовых трудностях Турции, они угрожали ей открытым бойкотом. Коренные интересы Турции диктовали ей путь укрепления отношений с СССР, однако действия империалистических государств давали свои плоды.

Керженцев имел случай лично убедиться в этом. 3 ноября он принял турецкого посла Суад-бея.

Несмотря на серьезность причины, приведшей его к Керженцеву, посол начал беседу в шутливом тоне.

— Господин посол, в дипломатическом корпусе говорят, что вы уже подготовили пакт с Италией против Турции и что господин Чичерин едет в Рим, чтобы подписать его.

— Нет, господин посол, слухи ложны. Ваше правительство может быть спокойным. По просьбе итальянского правительства мы вручили ему свой проект пакта, в котором предусмотрено обязательство сторон не участвовать ни в каких враждебных комбинациях против других государств, и в частности против Турции. Слухи, которые преднамеренно распускаются, преследуют лишь одну цель: поссорить нас с вами.

— Благодарю, — ответил Суад-бей. — Об этом вашем разъяснении я сообщу своему правительству.

В своем сообщении об этой беседе Керженцев писал: «Очевидно, кто-то усиленно шантажирует Турцию этим проблематичным пактом... Я указал ему на характер наших отношений с Италией и Турцией и всячески пытался рассеять его подозрения».

Соединенные Штаты, отклонявшие все советские предложения, направленные на нормализацию отношений, нередко стремились помешать другим странам установить отношения с СССР. В такой ситуации правительство СССР насторожило экономическое сближение между США и Италией, особенно усилившееся после нормализации вопроса о долгах.

17 ноября Керженцев прибыл в резиденцию премьер-министра.

— Ваше превосходительство, — начал полпред, — мне известно, что вы готовитесь к очередной сессии парламента. Если еще не поздно, я мог бы представить вам кое-какие записи с последними данными об успешном развитии нашей торговли.

— Благоприятные данные никогда не поздно пустить в ход.

Бросив взгляд на лист бумаги с записями, Муссолини положил его в папку.

Керженцев, сославшись на итало-американское соглашение об урегулировании военных долгов, спросил, получит ли Италия по этому соглашению кредиты на приемлемых условиях.

— Откровенно говоря, — ответил Муссолини, немного помедлив, — еще не ясно. Американцы, извлекая выгоды из каждого доллара, выдвинули свои условия. Мы приняли их. Получив кредиты, мы направим их на развитие национальной промышленности, в частности автомобильной, электротехнической, шелковой, на восстановление хозяйств Рима и Неаполя. Кредиты дадут сильный толчок к развитию нашей торговли со странами Востока и, конечно, с Россией. Думаю, что вопрос о кредитах прояснится в конце декабря. Тогда мы могли бы с вами снова встретиться.

В своем очередном политическом письме в Наркоминдел от 5 декабря Керженцев снова вернулся к этому вопросу. Объясняя неудовлетворенность Италии Локарнским договором, он писал, что Локарпо ничего не дало Италии или не дало того, чего она хотела, а именно гарантии своих границ с Австрией. «Что же оказалось? Оказалось, что Италии пришлось совершенно отступить от своей программы и подписать также договор, составленный без ее участия и абсолютно не упоминающий о специальных итальянских интересах. В этом было, несомненно, поражение. Локарно продемонстрировало, что Муссолини ведет независимую внешнюю политику на словах, но при соприкосновении с печальной реальной действительностью вынужден беспрекословно и безоговорочно выполнять волю сильных держав...

Фашистское правительство со своей стороны, особенно своими последними мероприятиями по поводу фашизации синдикатов, запрещения забастовок и пр., гарантирует американскому капиталу социальный мир или во всяком случае обуздание рабочих требований. Это не значит, конечно, что американцы будут всегда и до конца поддерживать Муссолини. Их удовлетворит всякое правительство, гарантирующее исправное получение прибыли и борющееся за низкую заработную плату, но в настоящий момент укреплению фашизма изнутри чрезвычайно содействовало урегулирование долга с Америкой и инвестирование американского капитала»¹.

В 1926 году, как и в предыдущие годы, правительство СССР, проводя политику мира, заключило договоры о ненападении и нейтралитете с правительствами Германии, Афганистана, Литвы. Эти договоры, представлявшие собой новое явление в международных отношениях, создавали благоприятные условия для переговоров о заключении таких же договоров и с другими государствами.

Когда в итальянской и английской печати появились статьи, в которых искажались цели договора о дружбе и нейтралитете между СССР и Турцией от 17 декабря 1925 года, Керженцев попросил свидания с премьер-министром.

Свидание состоялось 8 января в министерстве иностранных дел.

— Я хотел бы обсудить с вами один вопрос политического характера,— начал Керженцев.

— Пожалуйста,— ответил Муссолини,— и я хотел бы кое-что сообщить вам.

¹ Документы внешней политики СССР, т. 8, с. 696, 698.

— Появление в итальянской и английской печати статей с оценкой нашего договора с Турцией вынуждает меня заявить вам, что нельзя комментировать этот договор как акцию, направленную против Италии или Великобритании. Это ведь типичный договор о нейтралитете. Столь прокламируемое в статьях сближение может заставить нас думать, что Италия накануне перемены своей политики по отношению к СССР.

— Нет, нет, господин посол,— воскликнул Муссолини,— никакой перемены в политике моего правительства нет. Об этом я прошу вас сообщить своему правительству. Ни на какие комбинации против России я не шел и не пойду. Политика, которую я провожу вот уже третий год, остается неизменной. С Англией мы, конечно, поддерживаем дружественные отношения, у нас есть много трудных вопросов, которые мы должны решить, например вопрос о наших военных долгах, но это не значит, что Италия дружит с Англией за счет России. Нет, газетные слухи на эту тему решительно ни на чем не основаны.

Извинившись, Муссолини встал, подошел к письменному столу, раскрыл папку и взял несколько листов тонкой бумаги. Это были шифрованные телеграммы.

— Наш посол в Лондоне,— продолжал он,— доносит об успешных переговорах, которые мы ведем о военных долгах. Я думаю, что Англия идет на уступки нам не по доброй воле, а вынуждена считаться с Италией, которая начинает играть на Средиземном море большую роль, чем она играла в прошлом. Мы совершенно не заинтересованы в успехах Англии, имеющей военные базы и колонии в Африке, Азии. Но сейчас мы вынуждены поддерживать с ней дружественные отношения.

Положив на стол телеграммы, Муссолини прижал их ладонью.

На замечание Керженцева, в котором выражалось сожаление по поводу замедления в решении таких вопросов, как подписание пакта, предоставление кредитов, создание смешанного общества по нефти, Муссолини ответил обычными, ничего не значащими фразами, и Керженцев понял, что он будет затягивать рассмотрение вопроса о пакте.

Проводя политику уступок западным державам, правительство Муссолини подписало в Лондоне англо-итальянское соглашение об уплате военных долгов. Италия обязалась ежегодно выплачивать Великобритании по 4,5 миллиона фунтов стерлингов в течение 62 лет.

Капиталисты Англии и Америки предоставили Италии кредиты при условии, что она начнет расплачиваться за свое

участие в первой мировой войне и позволит им вложить новые капиталы в основные отрасли своей национальной экономики.

Муссолини, пытаясь найти юридическое обоснование своей политики репрессий, протаскивал новые и новые чрезвычайные законы. 31 января 1926 года парламент принял два закона: о процедуре лишения итальянского гражданства политических эмигрантов и о праве исполнительной власти издавать юридические нормы и вводить их в силу, не дожидаясь согласия парламента.

Единственной политической силой, решительно выступавшей против фашизма, была коммунистическая партия. Не достигнув соглашения с социалистической партией о единстве действий, она создавала подпольные группы, распространяла листовки с призывами готовиться к вооруженному восстанию.

Трудности экономического характера, вызванные последствиями кризиса, вынудили правительство Муссолини стать на путь активного развития торговых отношений с СССР. В своих переговорах с западными державами оно давало им понять о готовности Италии пойти на установление и более широких отношений с СССР.

23 марта Керженцев, беседуя с Муссолини, изложил ему точку зрения своего правительства по вопросу об участии СССР в работе Подготовительной комиссии конференции по разоружению.

— Еще 16 января, — сказал он, — пародный комиссар Чичерин, отвечая на приглашение председателя Совета Лиги наций господина Шалоя, сообщил ему, что правительство СССР готово принять участие в подготовительных работах любой конференции, ставящей цель всеобщего разоружения, при условии, что она не будет созвана в Швейцарии¹. В письме Чичерина возлагалась ответственность на Совет Лиги наций за отстранение СССР от участия в этой комиссии.

Муссолини слушал, слегка кивая.

— Господин посол, я могу заявить вам, что Италия сочувственно относится к участию России в работе Подготовительной комиссии. Но вряд ли конференция по разоружению соберется в ближайшее время. Все разговоры о разоружении — пустые слова. Франция спустила на воду новый крейсер, не дремлют и англичане. Все державы толкуют по-разному смысл разоружения. Лига наций, в которой царит

¹ Тогда правительство СССР проводило политику бойкота Швейцарии, поскольку швейцарский суд оправдал Копради, совершившего в Лозанне убийство полпреда В. В. Воровского. — *Прим. авт.*

дух парламентаризма, ничего хорошего не положит на алтарь мира. Интересно, каково мнение вашего правительства?

— Мое правительство отрицательно относится к деятельности Лиги наций и, в частности, к Локарнским соглашениям, предвещающим войну.

— Господин посол, я хочу сообщить вам приятную новость, — сказал Муссолини, уклоняясь от беседы о Локарно. — Мы, создав общество по нефти, решили не наделять его монопольными правами. Так что вы можете продавать нефть морскому министерству непосредственно. Как видите, я стараюсь исполнять свои обещания.

О содержании этой беседы Керженцев писал в своем дневнике, что Муссолини, ругавший Лигу наций в доверительных беседах, «вовсе не является каким-то сторонником нашего вхождения в Лигу или участия в комиссии по разоружению».

Круг политических вопросов, который изучал полпред, был весьма широк. Обращая особое внимание на ход развития отношений между СССР и Италией, он проявлял интерес и к наиболее важным событиям международной жизни, в частности к итало-английским, итало-французским, итало-немецким отношениям, поскольку по ним можно было судить о роли Италии в европейских делах.

Версальский договор, неравномерно поделивший добычу в первой мировой войне, еще более усугубил противоречия между империалистическими государствами. Франция, получившая в свое владение колонии с богатейшими запасами железной руды, угля, фосфатов, золота, стала могущественной колониальной державой. Италия же получила несколько пустынных и полупустынных территорий с весьма бедными природными ископаемыми. Соперничество Италии и Франции на Средиземном море и Балканах обостряло борьбу за новый передел мира.

Правдивая картина состояния итало-французских отношений тех лет дана в карикатуре художника Дени «Среди миротворцев», опубликованной в газете «Правда».

Два премьер-министра, Пуанкаре и Муссолини, беседуют, наклонившись друг к другу. На их лицах застыли загадочные улыбки, а руки крепко сжимают винтовки с прижатыми штыками, направленными на собеседника. Штык винтовки Муссолини чуть острее и приподнят выше.

Дипломатия фашистской Италии широко использовала шантаж и угрозы, плела интриги и сеяла распри между своими соседями и возможными противниками. Сближение с Англией, несколько не заинтересованной в усилении Фран-

ции, способствовало дальнейшему развитию агрессивного итальянского империализма. Сложившаяся обстановка требовала от полпреда СССР максимального дипломатического искусства.

Утром 7 апреля 1926 года по римскому радио было передано экстренное сообщение агентства Стефани о покушении на жизнь Муссолини. В сообщении говорилось, что в этот день в 11 часов неизвестная женщина лет пятидесяти дважды почти в упор выстрелила из револьвера в главу правительства, когда тот, покинув заседание Международного хирургического конгресса, вышел на площадь Капитолия. Премьер-министр был легко ранен, пуля попала в лицо и повредила нос. Женщина была арестована.

Хотя неизвестная женщина при аресте и говорила по-английски, полицейские агенты и журналисты пустили слух, что иностранка, по-видимому, славянка. Сообщить же точнее, какой национальности, русская, полька, румынка, они не могли, поскольку следствие еще не сказало последнего слова. Конечно же, слух был пущен с ведома Муссолини, не хотевшего допустить враждебной манифестации перед посольством Великобритании. Одним словом, было сделано все, чтобы, с одной стороны, дать возможность проявиться «народному негодованию», а с другой — не направить его против англичан, с которыми было опасно ссориться.

В половине первого дня толпа примерно в сто человек появилась у ворот посольства СССР. 15 карабинеров, прибывших для его охраны, стояли вдоль ограды. Окружив здание полпредства, толпа пыталась прорвать цепь карабинеров и проникнуть в его служебные помещения. Размахивая национальными флагами, они хором выкрикивали: «Ella é rusa»¹, бросали в окна камни, обломки мебели, бутылки с чернилами, выстрелили из револьвера по большому окну в зале приемов.

В этот час Керженцев находился в читальном зале Национальной библиотеки. Узнав о нападении, он позвонил по телефону генеральному секретарю министерства иностранных дел Бордонаро, назначенному вместо Контарини, и потребовал принять срочные меры, а сам направился к полпредству. Дебош продолжался. Были уже разбиты окна на первом и втором этажах, фонари на столбах, повреждена решетка сада.

На виа Газта Керженцев, выйдя из автомобиля, начал

¹ — Она — русская (итал.).

пробиваться сквозь толпу к главному входу полпредства. Решившись на этот смелый шаг, он был уверен, что фашисты не посмеют расправиться с ним. Карабинеры, стоявшие вдоль ограды, вяло сдерживали толпу.

С ревом сирены подъехали три военных грузовика. Это были новые отряды карабинеров. Оцепив все улицы, прилежавшие к полпредству, они начали разгонять толпу. Разогнали, но арестов не произвели.

В официальном сообщении агентства Стефани, переданном по радио, сообщалось, что неизвестная дама назвала себя Виолеттой Альбиной Гибсон, подданной Великобритании, ирландкой по национальности.

Более подробные сведения о ее личности приводились в статьях, интервью, заметках, публиковавшихся в итальянских, английских, французских газетах. В частности, сообщалось, что леди Гибсон, вторая дочь бывшего министра по делам Ирландии лорда Эшборна, на допросе заявила, что «ангел поднял ее руку на убийство папы или Муссолини».

Многие послы и посланники в тот же день посетили министерство иностранных дел и выразили Муссолини свое сочувствие по поводу покушения. Керженцев сознательно не принял участия в этой церемонии. Но около 7 часов вечера, когда закончился прием послов Турции, Германии, Норвегии, он прибыл в министерство иностранных дел и там случайно встретился с Муссолини у дверей его кабинета.

— Ко мне, господин посол?

— Нет, к генеральному секретарю. Пользуясь случаем, я выражаю вам свое сочувствие.

— Благодарю. Ничего опасного врачи не нашли, — ответил Муссолини, указав пальцем на свой нос. — Господин посол, предупреждая ваш вопрос, скажу, что инцидент перед полпредством был вызван не политическими мотивами, а нелепыми слухами, будто женщина, совершившая безрассудный акт, русская.

— Ваше превосходительство, я пришел вручить ноту протеста. Враждебная демонстрация перед полпредством нанесла серьезный моральный и материальный ущерб моей стране.

— Жаль, можно было бы обойтись без протеста. Кстати, мне докладывали, что вы, покинув автомобиль, прошли через толпу демонстрантов. Напрасно. Это был неоправданный риск. Ведь против разъяренной толпы и карабинеры оказались бы бессильными.

— Оставляя за собой право вернуться к вопросу об ущербе, я позволю себе выразить надежду, что ваше правительство примет срочные меры по розыску и наказанию виновных.

— Виновные будут разысканы и наказаны, господин посол. Не сомневайтесь.

Простившись, Керженцев посетил генерального секретаря министерства иностранных дел Бордонаро и вручил ему ноту протеста от 7 апреля.

Ознакомившись с нотой, Бордонаро выразил сожаление от имени своего правительства и попросил не оставлять ноты, считать инцидент исчерпанным этим устным извинением.

— Нет, не могу взять ноты обратно,— ответил Керженцев.

Появление в демократических газетах сообщения о враждебной демонстрации перед полпредством и о вручении ноты протеста вызвало беспокойство в министерстве иностранных дел. Вице-министр иностранных дел Гранди пригласил к себе полпреда.

— Господин посол,— начал он, стараясь придать своим словам дружеский тон,— приношу вам извинения моего правительства за прискорбный инцидент.

— К сожалению, ваше правительство не принесло извинения в должной форме в тот день, когда состоялась враждебная демонстрация.

— Да, это так,— признал Гранди,— но в день покушения мы не успели посетить ваше посольство. День прошел в волнениях и суматохе. Хотели это сделать на следующий день, но, получив вашу ноту, сочли неудобным презжать к вам с извинением. Мы готовы завтра же опубликовать официальное сообщение с указанием, что меры приняты, виновные будут наказаны. Прошу вас не оставлять своей ноты.

— Нет, господин вице-министр. Привимая к сведению ваше обещание опубликовать официальное сообщение, я тем не менее не могу взять ноты обратно.

В официальном сообщении, опубликованном в газетах 10 апреля, говорилось, что сразу же после покушения на жизнь главы правительства «группа манифестантов, личность которых не удалось установить, появилась на улице Гаэта и начала бросать камни в окна посольства СССР, чем и причинила незначительный материальный ущерб. Его превосходительство Муссолини, которому сейчас же было сообщено об этом инциденте, распорядился немедленно направить значительные силы на улицу Гаэта. В результате принятых мер никакие досадные инциденты больше не имели места».

13 апреля Керженцев, делая выводы из беседы с вице-министром, записал в своем дневнике:

«Несомненно, что итальянское правительство, как это было уже недавно с немецким посольством, где демонстранты ворвались в сад, постарается избежать извинений, кроме тех, которые принесли Гранди и Бордонаро».

Керженцев не ошибся. Королевское правительство, опубликовав сообщение в очень сдержанной форме, ограничилось устными извинениями.

В Италии, по официальным сообщениям, было совершено восемь попыток покушения на жизнь Муссолини. Ходили слухи о попытках покушения на него во Франции и Швейцарии. Были ли эти попытки инсценированы?

На этот вопрос трудно было ответить тогда, поскольку не было точных данных. Теперь же новые документы, исследования исторического характера и воспоминания, появившиеся в печати, проливают свет на события тех лет.

Муссолини был одной из самых ненавистных фигур на политической арене буржуазного мира. На его совести тысячи казненных, замученных в тюрьмах и лагерях. Сообщения о попытках покушения на него не вызывали сочувствия в народных массах. Об этом не раз сообщалось в демократической печати. Хитрый политик, Муссолини пустил версию о заговоре против королевства. Связывая эту версию с официальными сообщениями о покушении на свою жизнь, он надеялся придать им достоверный характер и вызвать возмущение деятельностью оппозиционных партий.

Итальянская коммунистическая партия, выступавшая с осуждением метода индивидуального террора как средства классовой борьбы, призывала народ не верить правительственным сообщениям о «заговоре».

Колебания во внешней политике правительства Муссолини чаще всего вызывались давлением на него западных держав. Давление усилилось после официальных визитов румынского премьер-министра Авереску, болгарского министра иностранных дел Вурова в Рим и неофициального визита Чемберлена в Ливорно. Стараясь извлечь как можно больше выгоды из политики лавирования, Муссолини сознательно шел на обострение отношений Италии с СССР. 16 сентября 1926 года в Риме был подписан договор о дружбе между Италией и Румынией, причем Италия обещала в особой поте ратифицировать так называемый бессарабский протокол от 28 октября 1920 года. По этому протоколу, подписанному послами Англии, Франции, Италии, Румынии без участия СССР, Бессарабия передавалась Румынии.

Керженцев, внимательно следивший за сообщениями пе-

чати, ознакомился с содержанием договора «о дружбе» и пот, которыми обменялись оба премьер-министра. Особенно настораживала третья статья, где говорилось о политической поддержке. Зная агрессивность реакционных кругов буржуазной Румынии в отношении СССР, Керженцев сделал вполне обоснованный вывод, что Италия берет обязательства поддерживать их против СССР. Узнав из достоверного источника о возможности отступления Муссолини от своего обещания не ратифицировать упомянутый протокол, он решил посетить его и вручить ему новый проект пакта между СССР и Италией.

22 сентября около 10 часов утра Керженцев прибыл в резиденцию министра иностранных дел.

— Сам бог послал вас ко мне в этот час,— сказал Муссолини, подавая руку.— Рад видеть. Надо обменяться мнениями.

— У меня есть весьма важное поручение правительства.

— Пожалуйста, слушаю.

— Вот наш новый проект пакта, состоящий из трех статей. Проект составлен с учетом пожеланий, высказанных лично вами полпреду Юреневу и мне.

Прочитав проект, Муссолини положил его на стол и, указывая пальцем на вторую статью, сказал:

— Нет, нет. Положение, обязывающее стороны не ратифицировать соглашения, направленные против другой стороны, не правится мне.

— Ваше превосходительство, речь идет не о всех соглашениях, а лишь о бессарабском протоколе.

— Но, господин посол, ведь я публично заявил, что мы не будем ратифицировать этот протокол. Обещание о ратификации дано лишь при условии, что она не нанесет ущерба интересам Италии. Возможно, что мы затянем дело. Остальные статьи, думаю, будут приемлемы. Мы рассмотрим проект и дадим ответ.

Зная, что Муссолини часто дает обещания, но чаще их не выполняет, Керженцев поставил под сомнение и исполнение обещания не ратифицировать так называемый бессарабский протокол. Рассматривая заключение договора о дружбе между Италией и Румынией как проявление недружелюбия итальянского правительства по отношению к СССР, он утром 6 октября направил Муссолини ноту протеста.

В ноте, в частности, говорилось:

«Правительство Советского Союза, исходя из принципа самоопределения народов и охраняя интересы бессарабского населения, неоднократно заявляло перед всем миром, что оно не признаёт и не признает никакого акта, по которому

Бессарабия, вопреки воле ее населения, оказалась бы присоединенной к Румынии...

В этих своих заявлениях Советское Правительство не оставляло ни малейшего сомнения в том, что ни одно решение по бессарабскому вопросу не может быть принято без участия и согласия Советского Союза и что каждый такой акт будет им рассматриваться как проявление недружелюбия по отношению к Советскому Союзу»¹.

Вечером, в тот же день, Муссолини, узнав, что полпред находится в министерстве иностранных дел, пригласил его к себе. Бросив на него злобный взгляд, он холодно поздоровался.

— Вашу ноту с протестом я не могу принять. Прошу взять ее обратно, поскольку она своим содержанием резко противоречит депеше нашего посла в Москве о его недавней беседе с господином комиссаром Чичериным. В депеше говорилось, что Чичерин в беседе заявил, что отношения между СССР и Италией и после заключения итало-румынского договора остаются ничем не омраченными. Ваша нота создает инцидент, срывает наши дружественные отношения и может вынудить меня ратифицировать бессарабский протокол. Формулировка, данная Авереску, дает мне возможность откладывать ратификацию, откладывая до бесконечности, ссылаясь, например, на то, что это ухудшит отношения с вашей страной. Пока вы не возьмете ноты обратно, я не буду обсуждать другие вопросы.

— Господи премьер-министр, Москва уже извещена мною о вручении ноты.

— Очевидно, нота была составлена до беседы нашего посла с господином Чичериным, то есть до получения полной информации, а сейчас все изменилось, — предложил Муссолини путь отступления.

Керженцев понял ход премьера, но не принял его.

— Я не могу взять ноту обратно, — спокойно ответил оп. — Что же касается депешы вашего посла, то она не может являться для меня официальной.

Ссылка Муссолини на разговор своего посла с Чичериным заинтересовала Керженцева. Он знал о встрече наркома с Манцони 3 октября, но ничего не знал о приведенных Муссолини словах. В своей телеграмме от 6 октября он просил дать ему разъяснение.

Запись второй встречи Чичерина с итальянским послом дала ответ на этот вопрос. Чичерин писал: «Я сразу перешел к делу и прочитал Манцони сначала мою запись первой ча-

¹ Документы внешней политики СССР. М., 1964, т. 9, с. 481.

сти беседы с ним... Я сказал, что, по-видимому, телеграмма Манцони не содержала полного отчета о нашем разговоре и повела к недоразумению, которое может иметь вредные результаты; я прошу поэтому посла подтвердить своему правительству действительное содержание нашей беседы 3 октября, поскольку она касалась Бессарабии. Посол сейчас же сказал мне, что моя запись разговора с ним совершенно правильна и точна во всех деталях. Он ее безусловно подтверждает. Но он своему правительству не посылал по телеграфу полного отчета о нашей беседе...

Манцони вынес впечатление, что наши дружественные отношения с Италией будут продолжать существовать и после подписания этого договора. Это он и сообщил своему правительству. Но это есть его личная надежда, это его собственные выводы, и так это им и сообщалось... Я объяснил, что Бессарабия была пустыней, когда вошла в состав Российского государства, и ее население создано под властью последнего, причем бессарабские молдаване так же отличаются от румын, как чехословаки от поляков, и вовсе не желают быть захваченными Румынией...

Итак, мы не можем взять обратно наш протест, и я прошу эти объяснения передать итальянскому правительству, что Манцони и обещал сделать»¹.

Следя за развитием важнейших событий в жизни страны, Керженцев обратил внимание на постепенный отход Муссолини от своих заявлений о желательности установления активных отношений между Италией и СССР. Его недавнее свидание с Чемберленом в Ливорно Керженцев рассматривал как еще один шаг к политике более тесного сближения с западными державами. Муссолини затягивал итало-советские переговоры о пакте и, таким образом, приносил в жертву экономические выгоды своей страны. Приняв отставку министра внутренних дел, он занял его место и начал жестоко расправляться с оппозицией. По его указанию были арестованы депутаты от коммунистической партии, среди которых был и Антонио Грамши.

9 ноября палата депутатов приняла закон о защите государства, предусматривавший введение смертной казни в стране. На основании этого закона палата приняла два постановления: о лишении депутатов, представлявших коммунистическую, социалистическую, республиканскую партии, парламентской неприкосновенности и о запрещении дея-

¹ Документы внешней политики СССР, т. 9, с. 483, 484, 485.

тельности коммунистической партии и общественных организаций, не поддерживавших доктрины фашизма. Были арестованы и преданы военному суду 40 коммунистов, обвиненных «в заговоре» против государства. Со дня вступления закона в силу было арестовано 10 550 человек.

2 декабря Керженцев посетил генерального секретаря министерства иностранных дел Бордонаро и заявил протест против арестов итальянских граждан, находившихся тогда на службе в полпредстве.

Готовясь к отъезду на родину, Керженцев нанес прощальные визиты послам, посланникам и вице-министру иностранных дел Гранди.

Ранним воскресным утром Платон Михайлович, Мария Михайловна с дочкой Наташей прибыли в Неаполь на автомобиле с красным флажком. Остановились в Амальфи.

Этот красивый приморский город, основанный в IV веке, раскинулся по склону огромной скалы Салернского залива. Белые, оранжевые, серые, голубые дома с верандами и балконами связаны друг с другом каменными лестницами, мостиками, тоннелями. Зелень на клочках земли, на крышах домов, на карнизах часовни, в расщелинах скал. В садах растут оливковые, апельсиновые, лимоновые, померанцевые деревья. По стенам оград вьется дикий виноград. В центре города возвышается величественное здание кафедрального собора.

Уже далеко позади остался древний город, когда Платон Михайлович повернул на Сорренто. Остановились на той же возвышенности, чтобы еще раз взглянуть на город.

«Отсюда перед глазами открывается побережье вечности. Внизу, между стволами олив и кедров сверкает лазурью голубой залив ослепительной красоты. Все эти места, прибежище мира и спокойствия, казалось бы, так и созданы для того, чтобы народ назвал их раем. Вон на той поднимающейся из моря скале, всегда окутанной легкой дымкой, в один из майских вечеров я долго смотрела на тени танцующих в воздухе ласточек». Так писала Сибилла Алерамо, известная поэтесса и старый друг Максима Горького.

Вот и Сорренто.

Алексей Максимович еще работал в своем кабинете, когда приехали гости. Керженцевых встретил сын писателя Максим с женой Надеждой Алексеевной.

Стол накрыли на террасе. Алексей Максимович, сидя в соломенном кресле, держал на коленях впучку Марфиньку, Платон Михайлович за руку подвел к ней Наташу. Обе белокурые, совсем недавно научившиеся ходить, девочки были удивительно милы.

После обеда Горький и Керженцев остались одни в кабинете.

— Алексей Максимович,— сказал Керженцев,— покашливаете, а курите. Врачи ведь запретили.

— Да, слабость человеческая. Не могу бросить, а надо бы.

— Не утомляют ли вас частые визиты гостей?

— Утомляют, отрывают от работы. Но и без них не могу обойтись. Очень много хороших, интересных людей приходит. Рассказывают массу интересного. Письма получаю без задержки. Но в саду на вилле по-прежнему встречаются незнакомые люди. Так и жди какой-нибудь пакости.

— Алексей Максимович, не беспокойтесь. Муссолини, отвечая на мой протест, заявил, что подобная акция не повторится. Сам хотел было принести вам извинения.

— Лицемер,— улыбнулся Горький.

Когда в гостиной подали кофе с козьим молоком, Алексей Максимович увидел на столике стопку книг, скромный дар полпреда. Извинившись, он потянулся к книгам и, казалось, с той минуты обо всем забыл.

Вечером в саду под старой яблоней, где шумел самовар, началось необыкновенное представление. Наташенька и Марфинька, одетые в пестрые сарафанчики, танцевали «коло» вместе с герцогом Серракаприолой, владельцем виллы.

По тропинкам сада спускались к морю. Максим осторожно вел под руки Надежду Алексеевну и Марию Михайловну. Позади не торопясь шли Горький и Керженцев. Подошли к старым бревнам, огораживающим костер. Легкий дымок поплыл над кустарниками и ветками деревьев, тянулся до самого берега моря...

Между Горьким и Керженцевым велась интересная переписка уже после возвращения Платона Михайловича на родину. Алексей Максимович, зная полпреда Керженцева как человека чуткого, исполнительного, не стеснялся обращаться к нему с различными просьбами. Чаще всего он просил его помочь какому-нибудь начинающему автору «протолкнуть» его сочинение в редакции, «ругнуть» кого следует за длительную задержку присылки почты и газет в Сорренто.

Вот некоторые письма Горького.

«Дорогой Платон Михайлович,

заметку о Л. Б. Красине я уже послал вчера в Москву «Международной книге»...

Так как я, вообще, пишу медленно, то, спеша, наверное, написал плохо.

Вас я попрошу вот о чем: мною получено письмо с просьбою о помощи от внуки¹ Михаила М. Достоевского. Она с

¹ Так в тексте.— *Прим. авт.*

17-го по 26-й год служила конторщицей в Самарском Университете), недавно у нее там «произошел» конфликт, — как она пишет — и сейчас она больная, без работы...

Не пайдут ли возможным пристроить ее к работе?..

А. Пешков.

«Получил Ваше письмо, дорогой Платон Михайлович, спасибо за хлопоты о внуке Достоевского.

И — уж кстати о внуках: мою я прозвал Марфа Проказница, в отличие от Новгородской Марфы. Вот уж действительно неугомонный ребенок и — какой властный! Весьма утешает меня, старика.

Нет, дорогой П. М., в России невозможно «создать обстановку, которая не мешала бы писательской работе» моей. — Я — человек жадный на людей и, разумеется, по приезде на Русь работать не стану, а буду ходить, смотреть и говорить. И поехал бы во все места, которые знаю: на Волгу, на Кавказ, на Украину, в Крым, на Оку и — по всем бывшим ямам, по ухабам. Каждый раз, — а это: каждый день! — получив письмо от какого-нибудь молодого человека, начинающего что-то понимать, чувствуешь ожог, хочется к человеку этому бегом бежать.

Какие интересные люди, как все у них кипит и горит! Славно...

А Вы — в журналистику переселяетесь? Слышал в «Кр[асную] Новь»? Правда?..

Как чувствует себя в России дочь? Почему бы нам не поменяться: я Вам пришлю карточку Марфы-внуки, а Вы мне — дочери карточку?

Сердечный привет. Всего доброго.

А. Пешков.

21.III.1927.

Научные труды

Рассказывая о полпреде Керженцеве, нельзя обойти молчанием его научную деятельность, затрагивающую многие вопросы всемирной истории, литературы, искусства, международных отношений, научной организации труда. Некоторые его книги, выдержавшие в СССР несколько изданий, переведены на английский, немецкий, ирландский, французский языки.

В книге «Новая Англия», вышедшей в 1918 году, даны очерки положения в Великобритании накануне и в годы первой мировой войны. В очерках, основанных на документах и личных впечатлениях, приводятся интересные данные

о политической, экономической и культурной жизни страны, об источниках финансирования войны, условиях труда рабочих, состоянии отношений между Англией и союзниками по войне.

В книге «Ирландия в борьбе за независимость» автор изложил историю национально-освободительной борьбы Ирландии, одного из британских доминионов, в период с 30-х годов XIX века до создания Ирландского свободного государства. Используя архивные документы, работы Маркса, Энгельса, Ленина и официальные данные, опубликованные в печати, он познакомил русских читателей с героической борьбой ирландского народа за свое освобождение от колониального гнета, нарисовал живые портреты его вождей.

Выводы, сделанные Керженцевым, основываются на первоисточниках. «Мне пришлось,— писал он,— ознакомиться с пожелтевшими фолиантами ирландских газет, за издание которых сотрудники и редакторы подвергались тюремному заключению и ссылке, с многочисленными «Синими книгами» английского парламента и отчетами о его заседаниях, со стенографическими отчетами политических процессов, с памфлетами и брошюрами прошлых лет, газетными корреспонденциями, воспоминаниями...»¹

С особой симпатией Керженцев нарисовал картины жизни рабочих Ирландии.

Двадцать шесть книг и брошюр Керженцева хранятся в личной библиотеке Ленина в Кремле. На некоторых из них имеются дарственные надписи автора: «Дорогому Владимиру Ильичу от автора. Ноябрь, 1918», «Н. К. и В. И. Лениным от автора», «Н. Крупской от автора», «Надежде Константиновне и Владимиру Ильичу от автора. Стокгольм, декабрь 1922», «Н. К. Ульяновой от автора. Апрель 1919», «Н. К. Ульяновой от автора».

По различным пометкам, сделанным на полях, видно, что Ленин и Крупская читали и просматривали их. Многие книги Керженцева переиздавались с дополнениями и иллюстрациями тиражом в несколько миллионов экземпляров. Так, «НОТ. Научная организация труда», вышедшая в свет в 1923 году, получила широкую известность. Ленин в статье «Лучше меньше, да лучше», рекомендуя объявить конкурс на составление двух или более учебников по организации труда, писал, что «можно взять за основу недавнюю книгу Керженцева».

Книга «Ленинизм», вышедшая в 1924 году, представляет собой большую исследовательскую работу. В предисловии

¹ Керженцев П. М. Ирландия в борьбе за независимость, М., 1934, с. 3.

Н. К. Крупской, в частности, говорится, что это своеобразный путеводитель по трудам Ленина. «Автор постарался кратко сформулировать то самое существенное, что сказано Лениным по каждому из затронутых вопросов... тем товарищам, которые берутся за изучение сочинений Ленина, книжка Керженцева окажет большую услугу».

Более десяти лет Керженцев посвятил изучению жизни Ленина в России и в эмиграции. В своих статьях «Ленин и газета», «Ленин и крестьянство», «Ленин и печать», «Чему учит Ленин», «Как работал Ленин» он рассказывал об опыте работы Ленина в области партийного и государственного строительства. Кропотливо исследуя материалы и документы о революционном движении в России, о деятельности Российской социал-демократической рабочей партии, Платон Михайлович изучал жизнь семьи Ульяновых в Симбирске, жизнь Ленина в годы подполья и после Октября, беседовал с Н. К. Крупской, М. И. Ульяновой, Д. И. Ульяновым, проверял и уточнял даты, имена, географические названия. В книге «Жизнь Ленина», вышедшей в 1934 году, он дал правдивый образ великого человека, основателя первого в мире социалистического государства, великого провидца будущих путей для пролетарской победы, безжалостного разрушителя старого мира и терпеливого строителя социализма.

Личное знакомство Керженцева с Лениным, встречи, беседы с ним, с его соратниками помогли ему рассказать и о бурных событиях в первые дни Октябрьской революции.

Еще гремят выстрелы гражданской войны, еще не закончено дело мира, писал Керженцев, а Ленин уже поглощен мыслями о социалистическом строительстве.

Эта мысль, впервые так ясно высказанная автором, часто излагается в научных трудах, посвященных Ленинину. Книга «Жизнь Ленина» — первый опыт научной биографии Владимира Ильича Ленина. Ее читали рабочие, крестьяне, солдаты, матросы, студенты. Ромен Роллан, прочитав эту книгу, написал Керженцеву сердечное письмо:

«Горячо благодарю Вас за прекрасную книгу о Ленине, которую Вы мне прислали. Она доставила мне громадное удовольствие. Это не только биография Ленина, написанная одним из его соратников, но ясная и захватывающая картина истории революции до смерти ее гениального творца»¹.

Отдавая много сил работе на партийных и государственных постах, профессор Керженцев продолжал трудиться и в

¹ Из письма Романа Роллана на имя П. М. Керженцева от 10 января 1937 года. Письмо хранится в семейном архиве Керженцевых.—
Прим. авт.

области исторических наук. Капитальный труд «История Парижской коммуны 1871», вышедший в 1940 году, явился вершиной его научной деятельности. 2 июня 1940 года Платон Михайлович скончался.

Платон Михайлович Керженцев — личность незаурядная, дипломат, ученый, журналист. Его дипломатическая деятельность, направленная на развитие политических и экономических связей со Швецией, Норвегией, Данией, Италией, сыграла большую роль в преодолении внешнеполитической изоляции Советского государства. В числе первых полпредов он непреклонно проводил в жизнь ленинские принципы внешней политики, укреплял международный авторитет нашей страны.

* * *

Воровский, Маркин, Коломийцев, Красин, Керженцев, Симонов очень много сделали на своем жизненном пути. На этом пути, порой нелегком, они оставили заметный след — в истории революционного движения в России и в истории внешней политики СССР.

В годы гражданской войны, интервенции и блокады деятельность полпредов была сопряжена с большим риском, трудностями, требовала напряжения всех душевных сил. Но они смело сражались на международной арене и отбивали вражеские атаки против социалистического государства. «Советские дипломаты, как бойцы на фронтах гражданской войны, с революционной самоотверженностью боролись за наше великое дело и подчас, как бойцы, погибали на своих постах»¹.

¹ Громыко А. А. Из доклада, посвященного 50-летию дипломатической службы СССР. — Правда, 1967, 30 декабря.